

КОТЕРИЯ

пристанище
заблудших

18+

Алекс Рауз

Алекс Рауз
Котерия. Пристанище
заблудших
Серия «Young Adult. Мистические
истории от Алекс Рауз»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69230452
Котерия. Пристанище заблудших: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-187259-5

Аннотация

ХАЯО МИЯДЗАКИ ВСТРЕЧАЕТ «КОНСТАНТИНА»!

«Котерия. Пристанище заблудших» – роман от известного российского автора Алекс Рауз. Сюжет повествует о ведьмах, духах и экзорцистах в Городе, прототипом которого стал Санкт-Петербург. Тайны, любовь, апокалипсис, надежда – вот четыре столпа этой невероятной истории, разворачивающейся перед нашими глазами.

В Городе погибают ведьмы. Они сходят с ума в собственных домах. Аврора, юная экзорцистка, начинает свое расследование, которое может привести к гибели всего живого.

Крис – дилер Котерии. Могущественной организации, которая торгует желаниями в обмен на годы жизни. Для дилеров есть три

правила – не спрашивать, что такое Котерия, не влиять на мир и не заводить отношений. Но что делать, если призрак прошлого вновь ходит по этой земле? Теперь ее зовут Кира, она тоже ведьма, какой и была пятьсот лет назад, когда он сжигал ее на костре. И Кире грозит смертельная опасность... Крис стоит перед выбором: не вмешиваться в дела мироздания или, рискуя всем, спасти свою любимую несмотря ни на что.

Содержание

Часть I. Колода Таро	9
Глава 1. Аркан 0, Дурак. Кристоф	9
Глава 2. Аркан 16, Башня. Кристоф	20
Глава 3. Аркан 12. Повешенный. Аврора	27
Глава 4. Аркан 15, Дьявол. Кира	46
Глава 5. Аркан 14, Умеренность. Аврора	61
Глава 6. Аркан 18, Луна. Кристоф	72
Глава 7. Десятка Жезлов. Аврора	94
Глава 8. Девятка Мечей. Кира	110
Конец ознакомительного фрагмента.	124

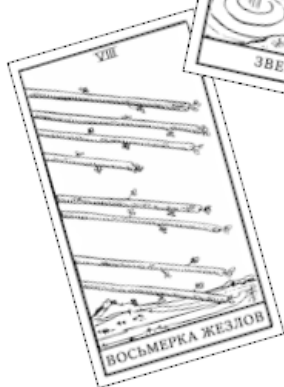
Алекс Рауз

Котерия. Пристанище заблудших

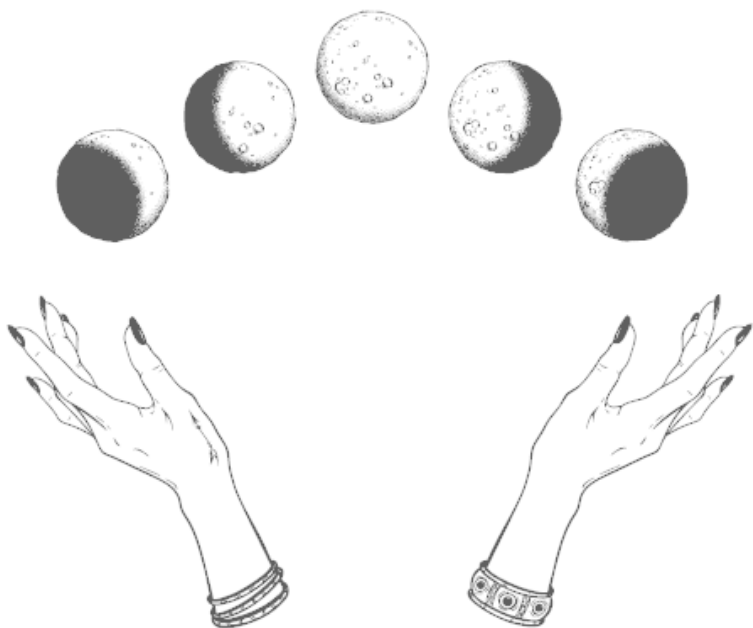
© Рауз А., текст, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть I. Колода Таро

Глава 1. Аркан 0, Дурак. Кристоф

«Ее величество Пропать, дай нам шанс,

Мне никогда не нравились истории, которые начинались со звонка в дверь.

Это как начать книгу с пробуждения персонажа. Вот он чешет небритый подбородок, морщится, как и положено приличным мужчинам, бреется, пристально глядя в зеркало. Обязательно подмечает собственные пронзительно голубые глаза, и как хищно они сверкают на фоне почти черных волос. Ах, вот прядка выбилась, надо заправить за ухо (так мы отмерим длину волос, чтобы сразу стало ясно – они не короткие, а ровно той длины, чтобы нравиться подросткам, на читавшимся про вампиров. Едва не достают до плеч, чтобы все еще выглядело мужественно для читательниц постарше).

¹ Строки из песни «Невесомость» *Roman Rain feat, Нуки.*

Потом на мускулистое тело ляжет черная рубашка, и верхняя пуговица останется не при делах, так даже в книжках сексуальней выглядит. Про тугие джинсы и писать не стоит, куда без них. Все это обязательно перед зеркалом! Ведь вы каждое утро так делаете, правда?

Как же пошло! Вот со звонком то же самое.

Но в дверь навязчиво трезвонили. И тяжело отрицать, что именно так началась моя история. Я нервно заправил за ухо темную прядь.

Это был поздний вечер, и ледяной дождь барабанил по стеклу, как бешеный сосед в приступе безумия. Я сидел в полумраке, наслаждался бессмысленным потоком картинок по телевизору и раздумывал о том, что стоит покинуть Город. За последние недели улицы опустели, и противный душок страха окутал даже обычных людей. Они чувствовали, что близится крах. Это странное существо, высотой с небоскреб, которое брело по Проспекту с пока еще закрытыми глазами, не сулило ничего хорошего. Кажется, в древних преданиях оно и звалось предвестником апокалипсиса...

Или это очередная игра разума, глупая шутка какой-то ведьмы. И все старые легенды о пробудившемся Рое, вырвавшемся на свободу хаосе – просто сплетни. Я не знал и не желал знать истину. Честно говоря, я совершенно не понимал, почему не покинул Город еще месяц назад, как остальные дилеры, когда все это только началось. Но точно уеду завтра.

Или послезавтра.

А тут звонок.

Я скажу еще одну пошлость, пусть она будет последней на сегодня – у меня внутри все перевернулось от этого звука. Предчувствие? Если бы ко мне в дверь звонила сама смерть, что в принципе невозможно, я бы чувствовал себя спокойней. Поэтому мое желание открывать застыло где-то между страстью к просмотру вечерних новостей о политике и стремлением спасти китов в Тихом океане. То есть нигде.

Еще я подумал, мог ли этот звонок разрушить мою жизнь, если бы она у меня была. Нет, технически я дышал, смотрел телевизор, жевал пиццу и делал много других не менее приятных вещей. Но я не относился к числу живых людей. Хотя вот уже лет пятьсот я не относился и к мертвым. Наверное, к людям я тоже не причислялся, но это уже сложные теологические вопросы, которые я ненавидел, даже когда официально состоял в рядах служителей церкви.

Звонок верещал, а я глупо застыл со своей стороны двери, прислушиваясь к угасающему волнительному дребезгу где-то внутри. Ждал, когда уляжется незваная буря. Даже слухи о хаосе не вызвали во мне такое цунами.

Я сомневался, второй раз в жизни. А когда же был первый, спросите вы? Ну вот тот случай, когда я помер пятьсот лет назад.

И в тот момент, когда навязчивый звон умолк, я выкинул из головы неясные подозрения и распахнул дверь.

На пороге застыла девушка лет восемнадцати. Курносая брюнетка из американских фильмов шестидесятых – такая спокойно позавтракает у Тиффани, если сменит свою толстовку на что-нибудь приличное и, желательно, разгладит глубокую морщину, гневно застывшую между бровями. Гневно ли? Я не мог подобрать термина точнее.

– Крис, – то ли спросила, то ли сообщила она.

По работе я встречал много людей, и уж точно не помнил каждого в лицо. Но ее бы запомнил.

– Допустим.

Она молчала, выжидающе глядя на меня. И с каждой секундой этой вынужденной тишины гневная морщинка пропадала, а глаза девушки становились все грустнее.

– Или заходи, или пока. Я не хочу стоять тут как чучело.

Пусть моя квартира и была единственной на верхнем этаже, торчать на пороге без дела я не любил.

И она решительно шагнула внутрь. Один раз шумно выдохнула. А потом, не останавливаясь, прошла в гостиную и застыла у панорамного окна на фоне разыгравшейся грозы. Одернула серую толстовку, но так и не повернулась ко мне.

Очередной раскат молнии осветил ее силуэт, и даже мне стало жутковато. Девушка не двигалась, не оборачивалась. И молчала.

Я вернулся на свой диван и вскрыл бутылку пива, которая успела согреться. Сделал мерзостный теплый глоток, выключил звук на телевизоре.

В этих резких всполохах мы провели еще какое-то время. Картина была настолько сюрреалистичной, что я потерял счет минутам. Все смотрел на нее и ждал чего-то — что она заговорит или что мы проведем вечность в странном застывшем молчании и неизвестности.

Я не знал, чего мне хотелось больше.

— Можно выпить? — она довольно грубо разорвала эту хрупкую магию.

— А тебе восемнадцать-то есть? — почти в тон ей ответил я, но не сдержал усмешку.

— Сделки заключать можно, а выпить нельзя? — Кажется, она тоже усмехнулась, но тон был грустный.

— Сделки честнее алкоголя. Ты знаешь, чем и за что платишь.

— И ради чего пускаешь жизнь под откос...

— Совершенно не обязательно, — привычно парировал я. — Если сделка обдуманная, а не импульсивный поступок.

— Иногда ты платишь больше, чем ожидаешь. — Она запнулась, но я продолжал молчать. — И получаешь совершенно не то, за чем пришел. Мне уже есть восемнадцать.

На этой фразе она наконец повернулась. Темно-карие глаза были грустные под стать голосу и большие, как у олененка. От этой ассоциации что-то дернулось внутри.

Я не смог долго на нее смотреть, поэтому сходил на кухню и исполнил просьбу. Девушка неумело попыталась открыть бутылку.

Я понимал, что она пришла за сделкой и старается храбриться, но отчего-то совершенно не хотел помогать. Я не паляч и, в сущности, даже не такой говнюк, каким меня хотят видеть. И срывать жизнь очередной импульсивной малолетки, – а связь с Котерией всегда выходит боком, – не хотел. У меня нет недостатка в клиентах, и я всегда найду, за чей счет выжить.

Даже смешно – я могу быть избирательным. Я могу оградить чью-то жизнь от себя, хотя и не должен.

– Выпей и уходи, – вдруг сказал я. – И не придется ни за что платить.

Но она осталась стоять, не сводя своих оленьих глаз с меня. Ну что за черт.

– А ты не думал бросить Котерию? Отказаться от сделок, дожить оставшиеся годы как обычный человек.

Я засмеялся. Уже не раз слышал подобную святую чушь, но так трогательно – впервые.

Растянулся на дорогом сером диване, стильно вписывающемся в стеклянный дизайн пентхауса. За панорамными окнами молнии всюду резали мрачный город, и я имел лучший вид на это бедствие. Жил ли я богато благодаря Котерии? Безусловно. Держался ли я за все это?

Деньги – пыль.

Так говорят те, у кого они есть, и я один из них. Но потратить деньги «с чувством» уже не смогу. Этот дар доступен только людям, да и то не всем. Чем грязнее душа, тем

меньше чувствуешь.

А я и вовсе не чувствую.

Потому что я не человек. Я – тень, след Котерии в этом мире, и никогда не буду свободен или жив.

– Дилеры – часть Котерии, детка, – надо же, я так смеялся, а сказанное все равно прозвучало грустно. Видимо, мы оба невеселы сегодня. Но этой девочке стоит уйти. – Моя минимальная плата – пять лет. Кто знает, может, это все, что у тебя осталось.

Сверкнуло совсем близко, и в огромных оленьих глазах мелькнул испуг. Я зацепился за это чувство, поднялся и резко приблизился. Я почти на голову выше и, нависнув над ней, выглядел достаточно угрожающе.

Не хочу сегодня работать. Не хочу портить эту малышку, позволять ей выбирать легкий путь. Не хочу думать, назначать соразмерную плату и забирать жизни.

Сегодня я не хочу ничего знать. Этот вечер для наслаждения грозой, глупым галдением телевизора и отсутствием мыслей. Почувствовать то, что ждет в конце пути любого усталого дилера – пустота.

Почувствовать, чтобы испугаться самому и максимально оттянуть тот момент, когда цирк закроется и образы чужих жизней перестанут мельтешить перед взглядом.

Я заполнил глаза чернотой, эта мелочь всегда так пугала людей. Я зацепился за ее страх перед грозой, мной или собственным выбором – не важно – и надавил. Хотел прогнать

так, чтобы девчонка забыла дорогу сюда. Забыла слово «Котерия».

Из меня уже начала сочиться тьма, когда по ее лицу скатилась первая слеза. Нет, что-то было в этих глубоких карих глазах. Как у Бэмби.

– Крис, ты совсем меня не помнишь?

Ее так и не вскрытая бутылка упала на пол, осколки разлетелись по всей комнате, а звук оглушил.

– Нет, – равнодушно ответил я, даже не попытавшись вспомнить. Я слишком устал.

– Мне очень жаль, – она кивнула и опустила голову.

Бросила последний взгляд на город с высоты птичьего полета и быстрым шагом дошла до двери.

– Найди способ уйти из Котерии, – сказала она напоследок и вышла.

А я, как дурак, застыл посреди комнаты под пляску теней из немого телевизора. Захотелось курить.

Минут десять спустя я вышел на улицу. Дождь больно хлестал по лицу, и до табачки я почти бежал. Поэтому впервые огляделся, только когда застыл под спасительным козырьком магазина.

Моя вечерняя гостья стояла под дождем на краю шоссе, задрав голову к небу. Может быть, сделка могла спасти ее жизнь – запоздало подумал я. Разное случается.

И уже хотел подойти, когда она сделала резкий шаг в сторону несущейся фуры.

Я отвернулся.

Я, равнодушно смотревший, как люди заживо сгорают на костре. Я, переживший весь ужас двух мировых войн. Я, спокойно глядящий на первый открывшийся глаз Ховало. Я... отвернулся.

А потом понял, что есть всего одна причина, по которой эта девушка могла меня помнить, а я ее нет. Всего одна причина, которая может стоять жизни и мне.

Визг тормозов, звук удара и истошный вопль стоящей рядом женщины долетели до меня как из тумана.

Глава 2. Аркан 16, Башня. Кристоф

На самом деле эта история началась гораздо раньше. Лет пятьсот назад, в такой глуши, что уже не найдешь следов. История началась с совершенно другим мной.

Верил ли я тогда, что занимаюсь «правым» делом? Что спасаю души этих несчастных? Прошло столько лет, сложно сказать наверняка. Проще отвечать «да» и больше не задумываться, как фальшиво это всегда звучало.

Около 500 лет назад

Каждая деревня, где находили ведьму, была похожа одна на другую. Невежественная, грязная, вонючая. Будто ведьмы специально выбирали себе самое мерзкое болото из имеющихся. Господь знает, чем я заслужил такую немилость, как эта. Почему именно я должен ездить в самую глушь...

Но эта деревня мне запомнится навсегда. Тишина, встретившая меня на въезде, преследовала все время. Мертвенная тишина посреди оживленного дня, будто несла траур по селянке, которую должны сжечь. Не орали птицы, не бегали дети, и даже привычный смрад покинул центральную улицу.

В тот день я ничего этого не замечал, но позже застывшая картина навсегда поселилась в моей голове.

Нешадно палило солнце, и уже оно могло сжечь не хуже любого костра. Ведьму привязали в центре маленькой мощной площади, но я не бросил и взгляда в ее сторону, скрывшись в прохладе дома, где меня ждал ее муж.

Селяне молча рухнули на колени, когда увидели меня. Я привычно перекрестил их и застыл в ожидании. Странно, но

даже здесь не пахло немытым телом, будто они готовились к моему приезду.

— Святой отец, — вперед вышел самый молодой из них, — моя жена... эта ведьма... — Он снова упал на колени и громко разрыдался. Я видел такое сотни раз, муж, отдавший жену на костер. Так много, что это не вызывало во мне жалости.

— Она беременна, святой отец, — тихо закончили за него сзади.

Такое со мной было впервые.

— Вы уверены, что она ведьма? В чем обвиняют?

— Дьявол пометил ее, — на этих словах все трусливо склонили головы.

Помеченная — это был безоговорочный приговор. Жаль.

— Сожжем ее, когда родит, — равнодушно сказал я под испуганный вдох селян. — Долго осталось?

— Со дня на день, святой отец...

Ее муж так и не поднял головы, когда я выходил. И проклятая тишина следовала по пятам.

Ждать пришлось недолго, и ведьма разродилась к вечеру. Не знаю, отвязали ли ее от того столба на площади, но, когда я вернулся, она снова была там.

Я опять не смотрел. За свою бытность инквизитором я повидал многое. И уже давно не судил никого, хоть и садистского интереса никогда не испытывал.

Смотрели селяне, почти всегда. Для них огненное представление на площади было необычным разнообразием в ру-

тине. Как бы отвратительно ни выглядели горящие кости, как бы мерзко ни пахло мясо, большинство не отворачивалось.

Я смотрел только во время приговора. Ровно столько, сколько положено, чтобы перекрестить, произнести последнюю молитву и отправить душу на суд божий.

Как сейчас говорят – ничего личного. Ни она, ни я не выбирали, кем нам быть. Мы стали тем, кем родились.

В существовании ведьм я не сомневался, потому что видел их как минимум каждый месяц. Сжигал чуть чаще... Но верил ли я в бога? В небесный суд и очищение, которое даруют эти костры? В справедливость, в конце концов...

В церкви нас учили, что мир прост. Что он поделен на добро и зло, на праведность и искушение, грех и покаяние. Эти постулаты не подвергали сомнениям, как то, что небо синее, а трава зеленая. Но я также знал, что трава бывает желтой, выгоревшей на солнце; коричневой, умирающей. Небо бывает облачным и грозовым, белым и черным. Еще с детства мой пытливый взор подмечал многое, но я хорошо умел молчать. Кажется, именно это качество ценилось выше всего в те времена.

Ничего в этой жизни не бывает однозначно, кроме факта ее конца. А все, что до и после – хаос сознания и карнавал лицемерия.

Солнце, нещадно палившее весь день, закатывалось за горизонт, но жара еще не сдавала позиций. Когда я шел до пло-

щади, мне было ужасно душно. Я обливался потом и мечтал скорее вернуться в столицу. Там мне наберут ванну. И мы с братьями помолим Господа о дожде за спасение очередной замаранной дьяволом души.

Все еще в коконе без запахов, почти без звуков я подошел к молчащей толпе у столба. Весь день вдруг показался нереальным, будто я спал. Должно быть, жара меня доконала.

Я читал молитву в полусне. Я крестил ее, не глядя.

Я подал знак зажечь огонь. Рядом вспыхнул факел, потом оранжевые блики заплясали на лицах собравшихся. Только тогда я поднял глаза.

И сном показалась вся моя жизнь до этого часа.

Я смотрел на ведьму, отправленную мною на костер. Темные волосы, развевавшиеся на невидимом ветру, пока не тронутые пламенем. Огромные, как два темных озера, прекрасные карие глаза. Тонкие черты лица, не искаженные злобой или невежеством. Да, дьявол забирал себе лучших, ведьма была прекрасна.

А она смотрела на меня в ответ до того момента, как боль заполнила ее сознание, не оставив там человеческого.

Я пытался отвести взгляд от последних секунд ее жизни и не мог. Внутри я кричал, но так и остался на месте, как незыблемый символ власти церкви над ересью и колдовством. Как победитель идиотской войны, которую никогда не хотел вести.

Ночь резко опустилась на площадь. Костер дотлевал, лю-

ди разобрались по домам, восславив Господа за избавление от неугодной им соседки. А я еще долго стоял там... Они думали, что я молился, но я проклинал.

А потом ко мне украдкой подошел ее муж с младенцем на руках. На его лице больше не было слез, оно будто окаменело в жестокой маске. Быть может, он считал себя праведником, истинным христианином в момент испытания дьяволом.

Он молча поднес новорожденную девочку и отогнул пеленку. Там был тот же знак, что и на матери.

Я подумал, что лучше бы я сжег его.

Но я хорошо умел молчать.

Поэтому я взял младенца в руки и кивнул. Мужчина поклонился и ушел не оборачиваясь.

Той же ночью я уехал, увозя «дитя дьявола» с собой. Мой долг как служителя церкви был в том, чтобы защищать людей от таких, как она. Как ее дитя. Но обычные люди творили гораздо больше зла, чем самая могущественная ведьма, которую я встречал.

Мой долг был в том, чтобы не оставлять этого младенца в живых... Отъехав от деревни на достаточное расстояние, я распеленал ребенка и достал клинок.

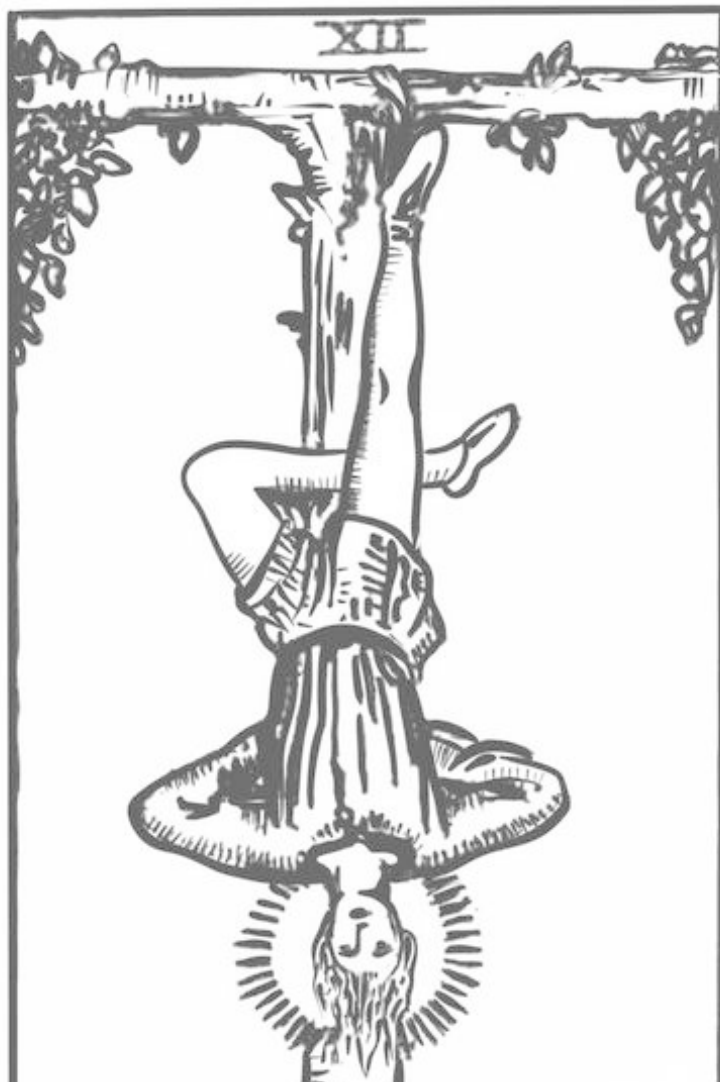
Срезал проклятую метку с ее плеча. Она зашлась пронзительным криком – будем считать, что так я очистил ее душу.

На рассвете я оставил ее на пороге ближайшего монастыря.

Глава 3. Аркан 12. Повешенный. Аврора

За три месяца до звонка в дверь

Мир коряво плыл перед глазами. Будто рука безумца смешала все краски в огромной палитре и грязными, суматошными кляксами раскидала вокруг. Реальность тряслась в жаркой дымке летнего полудня. И даже промозглая весна за окном, серый снег и дождь, стучащие по стеклу, не умаляли этот жар.

Аврора ненавидела температуру, она каждый раз грозила иссушить мозги. Самое мерзкое последствие удачной охоты, или ее собственной неосторожности.

Теперь она заливала липким потом старую простыню и тихо постанывала, или ей только казалось, что тихо. Повезло, что в крохотной квартирке она жила почти одна.

Кровать стояла у окна, закрытого тяжелыми, пыльными шторами так плотно, что невозможно было разобрать, день или ночь царит на улице. Мокрые длинные волосы облепили лицо, за пару дней в постели они спутались так, что их еще год не прочешешь – проще и не начинать пытаться. Толстое одеяло, пережившее не одно десятилетие, она сжимала в руках, еще сильнее исхудавших за пару голодных дней. Бледная сухая кожа обтянула пальцы так, будто под ней были лишь кости.

Но раз в день Аврора находила в себе силы улыбаться. Целую минуту она пустыми глазами смотрела в потолок и растягивала уголки рта. Во время болезни кожу особенно сушило, и, если не разрабатывать ее, шрам, пересекавший лицо ото лба, через правый глаз и щеку, до самого подбородка, навсегда лишит ее улыбки.

А возможность саркастично ухмыляться Аврора ценила. Поэтому старательно растягивала рот, глядя в потолок и жалея, что там нет зеркала. Зрелище, должно быть, то еще.

В противоположном углу комнаты затрещал старый теле-

фон. Он завалился в этом доме еще со времен позапрошлого века, и звонил только в одном случае. Потому что провода огромного аппарата были оборваны много лет назад.

А значит, звонил Кристоф.

Какие бы отношения их ни связывали, есть звонки, которые пропускать нельзя.

Аврора резко откинула одеяло и чуть не вскрикнула. Аккуратно спустила вниз дрожащие ноги. Добрести через всю комнату до этого мерзкого звона казалось настоящим подвигом. Но несколько мучительных секунд спустя она подняла пыльную трубку.

– На Шестнадцатой линии, через полчаса. Сможешь быть?

Аврору пробрало холодком до самых ноющих костей. Почему-то так случалось каждый раз, когда она долго не слышала голос Криса. Было в нем что-то... Далекое, холодное, нечеловеческое и чертовки пугающее.

– Если изгнание, то я сегодня не в форме, – она сохранила спокойный тон на грани с полным равнодушием. Неискушенный слушатель мог бы назвать ее голос расслабленным. – Дай еще пару дней.

– Знаешь, – голос на той стороне трубки приобрел задумчивые нотки, – ты мне нужна как консультант. Есть только пара часов, пока не нагрянет «скорая».

От удивления Аврора закашлялась. Изо рта брызнула кровь, и она постаралась скорее унять приступ, вытирая руки о старую пижаму. Подумать только, дилеру понадобился

консультант! Разве такое возможно?

– Хочешь спросить, в какой части тела живут чувства? – она почти хмыкнула.

– Да нет. – Он усмехнулся в ответ совершенно по-человечески. – Тут как раз по твоей части.

– Заинтриговал, – Аврора взглянула на руки, все еще в кровавых разводах. – Но мне понадобится больше получаса.

– Я могу избавить тебя от последствий работы навсегда. Несколько недель или месяцев...

– Крис. Я никогда не заключу сделки. Буду через час.

– Как знаешь, – связь оборвалась.

Аврора обессиленно рухнула на кровать. Вчера она уже дежурила полночи на кладбище рядом с Шестнадцатой линией, и ехать туда снова совершенно не хотелось. Слишком часто в последние месяцы дороги вели туда.

– Стеша! – хрипло позвала она. – Ну Стеша! Мне помощь нужна.

– Я Степан, сколько раз повторять! – еще более хриплый голос донесся из самого дальнего угла комнаты. При первом взгляде там была лишь темнота, а при втором – она казалась слишком неестественной. Однако голос доносился именно оттуда.

– Степан, – быстро согласилась Аврора. – Я без сил, а мне ехать нужно... – Она снова зашлась в приступе кашля и добавила уже шепотом: – Сделай свой чаек.

– А нечего по ночам шастать по своим мерзким делиш-

кам! – Темнота в углу сгустилась сильнее.

– А я тебе тортик куплю.

– «Киевский»?

– «Киевский», – кивнула она и отвернулась, успев лишь краем глаза уловить, как огромная тень из угла метнулась в сторону кухни. Духи не любят, когда на них смотрят.

Она заранее морщилась при мысли, как этот «чаек» ей аукнется. В прошлый раз отнялись ноги на два дня. Но чувство долга победило, и только этот напиток мог успешно снять симптомы на несколько часов. Иначе она просто не дойдет до автобуса.

Аврора принялась одеваться, и жар мгновенно сменился ознобом. Рваные джинсы, которые так нравились ей обычно, казались сущим наказанием сейчас – слишком много дыр, пропускающих холодный воздух. Но других просто не было.

Следом за штанами она натянула три вязаных кофты, одна поверх другой. Теперь худощавая девушка выглядела как бесформенное чучело, но и плевать, зато тепло.

Почему-то представился Крис в его неизменных пиджаках-рубашках-поло с иголки с каким-нибудь дорогим лейблом, и она рядом, шерстяной ком из бабушкиной антресоли. Его уложенные темные волосы и ее белое воронье гнездо... Аврора тут же схватила шапку, не менее потрепанную, чем остальной «прикид». Но с ней можно было забыть о треклятой расческе.

Мысленно стоя рядом с ним, она всегда недотягивала. До

чего именно – Аврора старалась не думать. Будто он задавал какую-то планку, которой она вечно не соответствовала, и даже наоборот, шла наперекор, отчего-то испытывая неясные терзания.

На самом деле Крису было глубоко наплевать на ее внешний вид. Он спас ее однажды, за что Аврора все еще платила, но не набивался ни в наставники, ни в друзья. За столько лет стали ли они друзьями? Ответ тоже терялся в неясных скачках сознания, регулярно рисующих рядом их наряды.

Аврора тяжело выдохнула, закончив натягивать последний свитер, наконец-то чувствуя себя в тепле, и повернулась к крохотной прикроватной тумбе. На ней исходил паром горячий чай.

– Спасибо, Степан, – отчетливо произнесла она в угол, но он снова выглядел обычным и пустым. Аврора зажмурилась и залпом выпила обжигающий напиток.

Облегчение наступило не сразу. С трудом шагая, Аврора успела спуститься на три этажа, поймать на улице промозглый весенний ветер и воткнуть наушники.

Мелькают этажи, наверх на крышу,
Наверное, ты жив, но я не слышу смех.

Заиграл «Слот», и Аврора вымученно улыбнулась. Без музыки в пылающем жаре было совсем плохо. Она нажала трек на повтор. Чай начинал действовать, и спустя несколько

минут она бодро вышла на Проспект.

В тесном мире застряли.

В такт молчали, нас доставали.

Сорок пять минут ныло тело —

Так хотело, но не сумело тебе сказать.

На Проспекте всегда былолюдно. Полупраздничная атмосфера расслабляла людей, они улыбались и никуда не спешили. Иногда Аврора думала, что весь Город никуда не спешит. Он завис в безвременье, в собственном особом пространстве, и притягивает, меняет людей.

Но вся эта праздность была с грустной, пасмурной ноткой. Пронзительной, как и сам Город.

Солнце давно покинуло горизонт, и сумерки накрывали Проспект, заставляя его зажигаться ярче оранжевыми огнями. Аврора сильнее натянула шапку и уже жалела о своих вязаных свитерах, превративших ее в чучело. Текучая толпа не принимала ее за свою и просто игнорировала, периодически награждая толчками.

Девушка замерла на ближайшей остановке серой тенью.

Становится теплей, а мы не видим,

Пропали на войне, других событий нет².

Подошел ярко-зеленый автобус, наполненный толпой

² Строки из песни «2 войны» группы «Слот».

другого рода. Это не праздные люди Проспекта, это пассажиры автобуса, который пересекает весь Город.

Пропала на невидимой войне, сломавшей ее так давно, что Аврора уже не помнила себя другой. Невидимой войне, которой нет на самом деле. Просто не все готовы жить в обычном мире.

Аврора протиснулась к окну и окончательно пришла в себя, когда красивые дома Проспекта с резными фасадами замелькали перед глазами, сливаясь в единое цветное пятно. Почему-то последним в себя всегда приходил мозг. Он просыпался ото сна, осматривал неестественно бодрое тело и прикидывал варианты.

Зачем дилеру мог понадобиться консультант? Будто есть что-то, чего Крис мог не знать или не видеть прежде – это даже звучало смехотворно. Аврора могла отказаться, ни любопытство, ни долг перед ним не были ультимативными. Пока сделки нет, ее воля свободна.

Автобус тряхнуло на кочке, и ненадолго толпа прижала ее к стеклу.

У нее всегда был выбор. Однако вот она, мучимая последствиями очередного изгнания, едет на другой конец города по зову дилера, заглянуть в очередную бездну, из которой состояла ее жизнь. То есть выбор был, и как будто его не существовало. С того момента, как погибла ее семья, а сама Аврора получила свой шрам, жизнь встала на накатанные рельсы без развилок.

Автобус тормозил на Проспекте раз пять, прежде чем въехать на мост. Аврора любила этот момент. Только что вокруг был город, оживленные улицы, люди – а теперь она парила в потоке других машин над водой. Вот бы пол был прозрачный, и сам мост, тогда она могла бы видеть короткие синие волны. И мысленно представлять, как она пускает непотопляемые корабли из бумаги в забег к светлому будущему, как в детстве. Каждый кораблик тонул, не сдюжив крохотную бурю, но надежда всегда оставалась на плаву.

Автобус снова тряхнуло, и он въехал в другую часть города. Всего несколько остановок отделяли Аврору от Шестнадцатой линии. В преддверии Криса сердце забилося чаще, и напряженное предвкушение заставило ее забыть, где она. Аврора по привычке начала растягивать шрам в улыбке и прекратила только, когда от нее шарахнулся стоящий рядом парень.

– Шестнадцатая линия, – дребезжащим голосом объявил автобус и выпустил Аврору. Рядом с остановкой уже стоял серебристый «Ягуар», и, облокотившись на него, курил Кристоф.

Аврора знала, что курить он себе позволял довольно редко. И от одного этого зрелища – зажженной сигареты в его тонких аристократичных пальцах – ей стало не по себе.

– Привет, – выдохнула она, стараясь не показывать дрожь в голосе.

Он отошел от машины, поправляя идеально сидящий пи-

джак, и внимательно оглядел ее. Огромных усилий стоило Авроре не съежиться под этим взглядом.

– Ты себя изматываешь, сбрось обороты, – он говорил ей это не впервые. Говорил холодно и почти отстраненно. И Аврора никогда не слушалась.

– Обязательно, папочка, – едко бросила она. – Что стряслось?

– Сама посмотришь. – Внешне он был привычно невозмутим, даже, лучше сказать, непробиваем, и, кроме сигареты, его не выдавало ничего.

Поэтому Аврора застыла и пристально вгляделась в глаза, в тщетной попытке зацепить тень бушующего костра внутри.

– Я тебе и так признаюсь, что взволнован, без этих гляделок, – усмехнулся дилер. – И, если через пять минут не будешь так же взволнована ты, я проглочу свой галстук.

– У тебя нет галстука.

– Видишь, насколько я уверен в своих словах.

На этой ноте Крис развернулся и пошел к ближайшему подъезду. Сумерки сменились зыбкой ночью, разгоняемой тусклыми фонарями. И в этом неверном свете пятиэтажка выглядела слишком пусто, будто ни одна квартира не была заселена.

Они поднялись на пятый этаж, так и не встретив ни одного жильца. Крис замер у дальней от лестницы двери, в приглашающем жесте протягивая руку к проему.

– Тени сгустились у входа, – отметила Аврора. То,

что осталось бы незаметным для обычного восприятия, не ускользнуло от наметанного глаза экзорцистки. Любой сторонний человек просто прошел бы мимо, – поймав лишь ощущение холодных мурашек на затылке, – но не понял бы их причины. Зато подсознательное желание держаться от двери подальше присутствовало у каждого.

Любые потусторонние вещи и явления, как и все необъяснимое, привычное для материального мира, отталкивало. Существовал некий механизм, сродни рефлексу, благодаря которому большинство людей обходили стороной все, что могло пошатнуть их веру в стабильный мир. Все, что могло открыть им глаза, – пугало и отворачивало еще до того, как будет вскрыто. Большинству так жилось проще.

Возможно, так правильнее. Определенно проще. И безопаснее.

Но Аврора обычным человеком не была.

– Тени – это не самое интересное. Ты заходи, там чисто... Почти.

Действительно, устойчивые тени вызывало довольно много существ и событий, поэтому с уверенностью тут можно было сказать лишь одно – дальше будет контент для устойчивой психики.

И Аврора уверенно толкнула дверь. Изнутри полился электрический свет, тени съежились в углу. Съежились, но не пропали.

Она шагнула внутрь прихожей в нейтрально серых тонах.

Новый ремонт, популярный сейчас модерн или как его, все светлое, вылизанное, как из журнала. После обшарпанного подъезда квартира смотрелась хорошо, выигрышно, но уж слишком контрастировала. На вкус Авроры, конечно. Она не фыркнула, но отметила, что в подобные интерьеры ее вызывают крайне редко.

Возможно, здесь даже ощущалось неплохо... До того момента, когда все перевернулось. Сейчас Аврора отчетливо чувствовала вторую стандартную реакцию человеческой психики на подобное – дрожь в коленях, дикое желание уйти и слезы, волнами застилавшие глаза. Последнее было именно ее реакцией, своеобразным подтверждением, что перед ней не ловкий фокус или игра воображения – все серьезно, по-настоящему. И достаточно «сверхъестественно». Почему именно слезы – Аврора не знала, это тянулось с самого детства. И лишь с годами она научилась прятать их, чтобы не выглядеть дилетанткой на заказах.

Но сейчас их было не удержать. Посреди светлой, такой современной прихожей Аврора шагала вперед, а соленые дорожки царапали ей щеки.

С трудом она пересекла проклятый коридор, вызвавший столько непрошенных эмоций. Не оглядываясь – чувствовала, как Крис идет по пятам, не оставляя ее одну. От этой мысли одновременно было и тепло и страшно. Но хотя бы тыл был защищен от посторонних.

За прихожей нарисовалась такая же светлая, освещенная

гостиная. И лишь гнетущий мрак за окном напоминал о времени дня. По углам тоже сидели тени, тут их было чуть меньше, чем в подъезде, но они стали гуще. Будто наглее – откуда в привычном мире взяться тени в углу, куда падает прямой свет лампы на потолке. Здесь они даже не пробовали скрываться, но и не двигались.

Аврора сжала Духобор – небольшой оберег, который всегда носила в кармане джинсов. Заряда в нем оставалось немного, но сил он придал. Показалось, что тени немного отпрянули. Но экзорцистка все равно застыла посреди гостиной.

Прямо перед ней была распахнута дверь в соседнюю комнату, видимо, спальню. В отличие от остальной квартиры проем зиял чернотой. Нехорошей, неприятной. Слезы градом покатались по лицу.

– Конечно, нам туда, – тихо произнесла она. Будто вся ее работа не состояла в том, чтобы лезть в подобные «туда». – Там кто-то есть, да?

– Хозяйка квартиры, – спокойно ответил Крис за ее спиной. – Я включал свет, но она его гасит.

– Сама? Руками? – зачем-то уточнила Аврора.

– Нет.

Она достала телефон и зажгла фонарик. Ровный белый свет слегка подрагивал в ее руках, но уверенно поднялся к проему, мигом разогнав черноту.

Взору предстала просторная спальня с огромной крова-

тью посередине. В самом ее центре сидела светловолосая девушка, аккуратно сложив ладони на коленях. Она смотрела прямо перед собой и не моргала.

Ее вид скорее можно было назвать отстраненным и задумчивым, чем пугающим. Такую легко встретить в метро, погруженную в свои мысли, игнорирующую окружающих. Пожалуй, вполне симпатичную, если не учитывать пару нюансов.

Первое то, что девушка сидела так одна в полной темноте. Второе Аврора решила озвучить вслух.

– Она выглядит абсолютно спокойной... но я будто стою рядом с человеком, который истошно орет. Все мои чувства говорят об этом, а глаза и уши врут.

Крис беззвучно встал рядом, тоже не сводя глаз с хозяйки дома.

– Она слишком громко кричит внутри.

Аврора, до этого пытавшаяся поймать ее взгляд, окаменела. Знать, что творится за порогом спальни, не хотелось. Экзорцистка довольно долго молчала.

– Я не чувствую навий дух, Крис, – прошептала она, будто хозяйку могли разбудить посторонние звуки. Яркий белый свет телефона падал прямо на ее безучастное лицо. Взгляд был направлен куда-то в стену справа от входа и не двигался. И лишь отражение фонарика блестело внутри глаз.

– Знаю, – все еще спокойно сказал дилер, но теперь Аврора не поверила ему. Наверное, ее голос звучал со стороны не

менее уверенно, когда она точно знала, что перед ней. В эти моменты она знала, как будет договариваться на сей раз, или гадала, как быстро придется бежать. Ее уверенный тон профессионала никогда не означал, что она не боится – лишь то, что она поняла и готова.

Вот только сейчас Аврора не понимала ни черта, и оттого неуверенность ходила под кожей холодными волнами. Зато Крис догадывался, но молчал.

– Может, она просто сумасшедшая?

– Полтора часа назад эта девушка звонила мне. Голос был вполне обычный.

«Ты профессионалка или кто?!» – возмутился внутренний голос, и Аврора с трудом поборола непрошенный ступор, сковавший все тело в ужасе. Она сделала пару шагов в направлении кровати и остановилась буквально в метре от девушки. Та никак не реагировала.

Аврора поводила телефоном, оглядывая пустую спальню. На кровати валялись какие-то камни, в беспорядке были разбросаны карты Таро. Повернуты лицом были старшие арканы – Дурак, Повешенный, Дьявол. Экзорцистка чуть не вздрогнула, когда блеснуло лицо Повешенного.

Сама комната не вызывала нареканий – обычная спальня современной ведьмы (или мнящей себя ведьмой недоучки). Следов борьбы не было, агрессивные духи тоже отметались.

Сделав над собой усилие, Аврора закрыла глаза и посмотрела «по-другому», постаралась почувствовать, как ее ко-

гда-то учила бабка. Но долго стоять с закрытыми глазами напротив этой жуткой картины не хотелось. Она дернула рукой в сторону Криса и тут же убрала ее. Смотреть *так* на дилера тоже не хотелось.

Спустя мучительную минуту в крошечной темноте она распахнула глаза и покачала головой. Крис кивнул, будто ожидал именно такого исхода.

– Что скажешь?

– Что консультант из меня херовый, прости уж. Тут не по моей части, не Навий мир. Но что еще может быть... – Тут она запнулась.

Одно, всего одно непреложное правило выполнялось всеми, кто хоть как-то связывался с потусторонним. Ведьмами, ведунами, экзорцистами, медиумами и даже дилерами. Непреложное правило, за нарушение которого жестоко карали.

Ты можешь заключать сделки с Котерией, можешь продать годы или душу – но никогда не спрашивай, с кем имеешь дело. Никому не позволено знать большего. Не задавай вопросы.

– Ты думаешь, она что-то выяснила... о Котерии?

Голова хозяйки резко повернулась, будто кто-то сверху дернул за невидимую веревку.

Аврора вскрикнула. Глаза, бывшие такими безжизненными еще минуту назад, с нездоровым блеском изучали ее. Они отражали свет фонаря, который потух секундой раньше.

Потом рука медленно поднялась с колена. И свет во всей квартире потух.

Аврора не успела снова закричать, когда ее плечи сковало объятием. Холодным и теплым одновременно. Мурашки прошибли все тело, а уши уловили шум крыльев.

В следующую секунду они вдвоем стояли у подъезда. Полная луна ярко освещала пустую улицу, вдали была приближающаяся сирена «скорой помощи». Крис тяжело дышал.

– Спасибо, – выдавила Аврора. Черт знает, как он вытащил их оттуда... Но это было эффектно.

– Я сам тебя позвал. Надеюсь, что ошибаюсь.

– Не ошибаешься. – Руки все еще дрожали, поэтому Аврора предпочла спрятать их в карманы, а лицу вернуть равнодушное выражение. Но в последнюю секунду маска дрогнула и не приклеилась, выпустив на волю страхи и волнения. – Крис, держись от этого подальше. Тебе вдвойне не стоит...

– Я знаю, – повторил он второй раз за вечер. – Но она звала меня ради сделки. Я приехал минут за десять и нашел ее такой.

Повисла пауза, которую Аврора не могла заполнить, а Крис просто молчал. Отвратительный звук сирены приближался.

Она взглянула на часы – мосты развели, и автобусы в ее часть города уже не ходили.

– Отвезешь меня в «Пристанище»?

Крис кивнул на свой «Ягуар», с тем же напускным спокой-

ствием. Но меньше всего Аврора сейчас верила этой маске.

Глава 4. Аркан 15, Дьявол. Кира

Кира боялась. Честно и откровенно она признавалась перед собой – ей страшно. Кто бы ни был на том конце провода, она четко осознавала, *на что* она собиралась пойти. Нас с детства учат, что спасение жизни другого человека, родного или нет – это один из самых благородных поступков. Что терзаться не нужно, просто иди и делай, игра точно стоит свеч.

Нас учат жертвовать. Материальными вещами или самими собой... Идеалы добра – это нескончаемая жертва. Жертвуй и радуйся, твой путь правильный.

Но Кира боялась. Будь это инстинкт самосохранения или банальный эгоизм, затея могла выйти боком. Или ящиком, в котором ей уже будет все равно. А сейчас не все равно! Какой бы «правильной» она себя ни чувствовала, червячок страха точил внутри.

Кира не думала о том, что страх порой – и есть голос разума. Проблема всех детей, воспитанных в таких идеалах «добра», состоит в том, что они не видели выбора.

Бабушка в соседней комнате снова закашлялась, и Кира перестала терзаться. Что будет с единственным родным человеком, если Кира погибнет, спасая ее, – она уже не думала.

Она набрала на экране телефона номер, который достала с таким трудом. Конечно, он завершался классическими тремя шестерками, и не будь она так взвинчена, Кира бы обязательно закатила глаза. Какая ирония – она звонила продать душу на номер с тремя шестерками, но не верила в дьявола.

Потянулись гудки. За окном крохотной «двушки» в пригороде, где Кира жила вместе с бабушкой, давно стемнело. Полную луну на небе постепенно поглощали черные облака, обещая холодный весенний дождь. Обстановка была почти умиротворенной, и девушка зависла на монотонных гудках, выпав из реальности.

Пока с той стороны грубый мужской голос не вернул ее на землю.

– Слушаю.

– Я... это... – Кира мгновенно растерялась. А что тут скажешь? Хочу предложить вам свою душу? Как пафосно и глупо звучит. Она так долго пыталась собраться с силами на этот звонок, что совершенно не подумала о том, что скажет.

«Я хочу продать душу. Я хочу заключить сделку. Моя бабушка...» – В голове закрутились варианты, которые она тут же принялась проговаривать про себя. Тишина на проводе затянулась.

– Да, ты, – согласился раздраженный баритон на том конце, – хочешь чего?

«Заключить сделку. Да, так лучше. Заключить...»

– Сделку, – выдавила Кира шепотом.

– Не работаю сегодня.

Связь оборвалась. Кира изумленно взглянула на телефон. С заставки уютно моргал теплым светом из крохотного окна деревянный домик посреди леса. Из глаз потоком хлынули непрошенные слезы.

Она несколько недель искала этот номер! Часами собиралась с духом ради этого звонка! Она была готова на такое... Да как он смеет!

Кира вновь набрала тот же номер. Руки больше не тряслись, но дыхание прерывалось всхлипами. Резко стало наплевать, что о ней подумают на том конце провода.

На этот раз собеседник поднял трубку почти сразу.

– Мне нужна сделка. Сегодня!

– А ты упертая, да?

– Да, – зачем-то выдавила Кира, и следующий всхлип вышел слишком громким.

– Знаешь, где клуб «Пристанище»? Приезжай, я буду там.

Связь снова оборвалась, не дождавшись ее ответа. Про клуб Кира слышала впервые, и дрожь в руках вернулась. Она глянула на экранные часы – половина первого ночи, метро не ходит. За окном уже накрапывало.

Стараясь не позволять себе думать, рассчитывать и отступить, Кира быстро вбила в поисковик «Пристанище». Пока адреналин бил ключом, надо было действовать без промедлений.

Искомый клуб оказался рядом с Морским вокзалом – около получаса езды, на цену такси она даже не взглянула. О каких деньгах может идти речь, если она собиралась платить самой жизнью. Или ее частью, если очень повезет.

Девушка нажала кнопку вызова машины, встала и натянула безразмерную толстовку, валявшуюся на стуле уже не первый день. Отряхивать не стала – чем хуже она будет выглядеть, тем меньше шансов на лишние знакомства. Даже если сделка будет стоить всех ее оставшихся лет, до клуба она должна добраться невредимой.

Короткие темные волосы Кира спрятала под капюшоном и пробежалась мимо зеркала в прихожей. Серая невзрачная

тень непонятного пола ее вполне устроила. Напоследок она тихо заглянула в бабушкину комнату, убедилась, что та крепко спит, и выскользнула в старый подъезд пятиэтажки.

Машина уже ждала ее внизу. Эта скорость не удивила Киру. Почему-то казалось, что дорога в ад всегда быстрая... Она молча забралась на заднее сиденье, натянула капюшон пониже и не стала здороваться. Водитель ответил ей взаимностью и вдавил педаль в пол.

Серые пятиэтажки замелькали в оранжевом свете фонарей. Спальные районы за окраиной Города всегда были одинаковыми, низкими, будто застывшими в прошлом веке. Лишь в последние годы, как грибы, то тут, то там, точно вырастали многоэтажки, но район Киры пока обходили стороной.

Эти нововведения, как глоток городской жизни, были чужды местному затишью. Оно размеренно засасывало спокойствием всех, кто не сбегал рано утром в набитом доверху общественном транспорте к спасительному движению и суете Города.

Кира тоже любила сбегать и мечтала однажды навсегда покинуть пятиэтажное кислое болото. Забыть вечера в темных переулках, променяв их на блеск и шик праздного Проспекта. Но бабушка...

Ее взгляд будто приклеился к боковому окну, не желая заглядывать вперед. Сегодня Город тяготил страшной встречей, что ей предстояла – и, не глядя в лобовое, Кира думала,

что могла оттянуть роковой момент.

Или с таким же успехом могла видеть сам Город в последний раз. Почему-то она думала, что, будь ее история выдуманной, сейчас бы закадровый голос рассказал, как она пытается запомнить каждую черточку напоследок. И Кира даже попробовала – но ничего не запоминалось, пейзаж по-прежнему мелькал перед глазами, не откладываясь в памяти. И даже знакомые повороты не всплывали в голове.

Она ехала по какой-то дороге, совершенно чужой. Как и окраины, в которых она выросла. Город был ярким, желанным, но никогда – родным. И сейчас ей было не с кем попрощаться.

Кира нервно ухмыльнулась очередному светофору. Фатальность ее состояния зашкаливала.

Такси вырулило на Кольцевую вокруг Города, на пустой широкой трассе водитель еще сильнее разогнался. Считанные минуты отделяли от встречи с дилером.

Она снова вспомнила его раздраженный тон, и он помог Кире собраться. Да, она упертая! Она решила и не отступит ни перед чем!

– Я включу музыку? – неожиданно спросил водитель. Она поймала его взгляд в зеркале заднего вида и молча кивнула. Салон разорвал голос солистки.

Послушай, остановись! Пока не поздно,
Я падаю вниз за тобой...

Туда, где светят³...

– Можно другую станцию? – Кира чуть ли не вскрикнула. Водитель дернулся и тут же переключил. Видимо, он сам не ожидал такого динамичного начала.

На этот раз повезло больше, заиграла приятная песня на французском. Кира расслабила кулаки, на ладонях остались вмятины-полумесяцы, которые тут же зазудели. Она удивленно посмотрела на них и против воли подумала, что это уже не имеет значения.

С другой стороны, с момента, как заболела бабушка, уже ничто не имело значения. Незримая черта пролегла между Кирой и остальным миром. Он продолжал цвести, благоухать и жить. Жить ярко, радостно, как ни в чем не бывало. Как уже не жила сама Кира. Время остановилось для нее, и все вокруг стало таким далеким, ненастоящим.

Нет, ненастоящей казалась она сама себе. Просыпаясь каждое утро в надежде, что все происходящее – сон, сейчас она вернется в реальный мир. Но краски не возвращались, бабушка не выздоравливала, а люди уставали ждать, один за другим покидая ее жизнь.

В итоге Кира зависла в безвременье чужой болезни совершенно одна. Но люди на улице, люди, с которыми она когда-то дружила, не говорили на ее языке. Они пошли жить, а она осталась... где?

³ Строки из песни «Мертвые звезды» группы «Слот».

Она нашла последнюю черту, которую теперь собиралась перепрыгнуть. У добрых, любящих людей нет выбора? Нет его у тех, кто сам отрезал себе другие дороги. Свой путь она считала логичным и даже единственным.

И раздраженный голос дилера – все, что мешало ей наконец-то поступить правильно. Чертов дилер.

Таксист резко затормозил. Кира еле успела выставить руки вперед.

Машина светила фарами прямо в дом, будто примагнитилась к ступеням в подвал без вывески. Вокруг не было других домов, лишь Морской вокзал высился вдали. Водитель пробормотал что-то неразборчивое, пока Кира выскакивала из машины.

В паре десятков метров от нее о набережную тихо разбивались волны.

«Пристанище». Найти в интернете информацию об этом клубе не удалось, только адрес и фото этих самых ступеней. То же самое, что шагнуть за последнюю черту. Когда ты распрощался со всем, чем мог, кроме самого дорогого, – зайти в такое место уже не страшно.

«Уже ничего не страшно, – про себя сказала Кира и начала медленно спускаться. – Ничего. Ничего».

Она толкнула дверь – все окрасилось в алые тона. Перед ней было квадратное помещение вестибюля, два торшера с красными абажурами и узором, отдаленно напоминавшим индийские мотивы. Хода дальше не было.

И два здоровых качка в обтягивающих мускулистые руки черных футболках. Это могли быть охранники, фейсконтроль, но никаких опознавательных знаков на них не имелось.

В неверном свете торшеров оба мужчины внимательно уставились на нее. Повисла неловкая пауза.

– Я... Мне... – Кира незаметно ущипнула себя за руку. Уже второй раз за вечер она терялась настолько, что слова категорически отказывались собираться в предложения. – Меня ждут...

Ближайший к ней мужчина протянул руку перед собой, раскрытой ладонью сверху.

Деньги! Как она могла забыть?! Когда едешь продавать душу, о них думаешь в последнюю очередь.

– У меня нет, мне на минуту, меня ждут, – почему-то шепотом произнесла она.

Но «охранник» лишь покачал головой.

– Куб, сфера или пирамида? – подсказал второй.

Она хотела спросить – что? Слово уже пронеслось в голове, губы открылись для ответа, и она почему-то сказала:

– Пирамида.

Плотные шторы за их спинами, прежде казавшимися глухой стеной, раздвинулись. На Киру мгновенно обрушилась непривычная громкая музыка с битами, запахло паленым, а приглушенный красный свет померк в резких всполохах. Понадобилась целая минута, чтобы немного привыкнуть и

шагнуть внутрь этой какофонии.

В огромном зале двигались десятки людей, обряженных будто на хэллоуинскую вечеринку. Повсюду мелькали искры, но пламени не было. Под неожиданно высоким потолком наравне с дискошарами кружили перья, свечи, маленькие зеркала и какие-то мелкие предметы, неразличимые с такого расстояния. Их хаотично кружила невидимая буря, и отблески плясали по залу.

Если у понятия «шабаш» есть реальное воплощение – то Кира видела его перед собой.

Она сделала еще несколько неуверенных шагов вперед, но испугалась приближаться к танцующей толпе. И что теперь делать? Встать с огромной табличкой «Продаю душу, ищу покупателя»? Могут неверно понять.

Кира достала телефон и набрала проклятый номер. Какой шанс, что в этом гаме он услышит звонок?

– Слушаю, – мгновенно ответил дилер. Голос был все еще холоден, но уже не так раздражен. Должно быть, пьет.

– Я пришла. Стою у входа.

– Да ты ведьма, – раздалось совсем рядом с ухом. Баритон умел быть вкрадчивым.

Кира не вздрогнула лишь потому, что весь вечер ждала чего-то подобного. По крайней мере, отдавала себе отчет в том, что делает.

Она убрала телефон в карман и лишь после медленно повернулась. Ей казалось, что пока она не видит лица послан-

ника Котерии, ничего страшного еще не происходит. И последний необратимый шаг – не согласие, а взгляд в его сторону.

Перед ней стоял молодой черноволосый мужчина, почти на голову выше, слегка вьющиеся волосы были убраны в хвост на затылке, и даже в этом мерцающем свете ярко-голубые глаза выделялись, будто светились изнутри. Они были настолько усталыми, что она не поверила полуулыбке на его тонких губах. Тени бродили по лицу, и его она различала с трудом.

Слегка задрав подбородок и наклонив голову, дилер в упор смотрел на Киру, растягивая уголок рта в притворной ухмылке.

– Обзываетесь? – почему-то обиженно выдала Кира лучшее из вороха мыслей, забежавших таракашками в голове.

– Констатирую факт: обычным людям сюда не войти.

Наверное, она могла бы удивиться. Или спросить, какого черта происходит в этом месте. Или о чем он... Но тот самый шаг уже был сделан, и, пока адреналин окончательно не добил сердце, Кира должна была продолжать. Пока он так смотрит в ее глаза, не отступить. Не оступиться.

– Мне. Нужна. Сделка, – четко, внятно, по делу. Будто музыка чуть смолкла или они зависли вдвоем в том самом тягучем безвременье, где жила Кира последний год.

Смешно, впервые она оказалась здесь не одна. Почувствовала чужое присутствие в своем драматичном замкнутом

мире. Жаль, что это было присутствие дьявола.

– И я все еще внимательно слушаю, моя упорная.

Да, упорная.

– Бабушка умирает от болезни.

– Бабушки вообще имеют свойство умирать. – Ухмылка пропала с его лица, но как же отвратительно то, что она появилась в словах.

– Спасите ее, я расплачусь.

Мужчина наконец-то отвернулся, его взгляд пустился по залу, и давление немного ослабло. Но музыка точно играла тише, будто они действительно находились в замкнутом пространстве.

Поэтому мучительная тишина вместо ответа врезалась в разум хуже навязчивых мелодий. Неужели Котерии подвластно не все? Неужели она проиграет в тот момент, когда выход был так близко?!

– Ты знаешь, что внукам не пристало жертвовать собой ради бабушек? Она в любом случае умрет на твоих глазах, от болезни или от старости.

– Но не сейчас. Не так. Это мое дело!

– Ну и дура.

– Что?

– На улицу, – коротко бросил мужчина и, не оглядываясь, широкими шагами пошел к выходу.

Кира подхватила следом. Шторы вновь раздвинулись, пропуская ее в красный вестибюль. Дилер не остановился

подождать и уже скрылся за дверью, но она успела заметить, с каким суеверным ужасом на него косились качки-охранники.

На улице промозглый ветер тут же защипал щеки. Он ждал ее в нескольких шагах от лестницы, прямо под фонарем. Свет падал на лицо, наконец-то давая его рассмотреть. Сама не понимая зачем, Кира замедлила шаг, вглядываясь в тонкие черты, узкие губы, высокие скулы, густые брови. Она старалась запомнить каждый штрих. Правду говорили сказки – дьявол был прекрасен.

Если ей повезет, сегодня она видит его в первый и последний раз.

Со следующим шагом луч фонаря осветил и ее лицо.

Дилер дернулся в сторону, будто его ударили. На долю секунды на лице скользнули ужас и боль, и оно стало похоже на кривую восковую маску.

Всего на долю секунды. И он взял себя в руки. Будто видение, проскользнувшее и исчезнувшее в небытие.

Он так играл?

– Вы можете ее спасти?

– Да, – пронзительно-голубые глаза сверлили ее насквозь. Зуд добирался до затылка, неприятно отдаваясь в коленях. Где-то там же билось сердце. Она хотела зажмурить глаза, как в детстве, но удержалась. – За это ты убьешь человека.

– Что?

– Ты хочешь продлить жизнь человеку, который должен

умереть. Убей того, кто должен жить – и я исполню твое желание. Все честно.

От удивления Кира попятилась. Она ожидала услышать что угодно, готовилась душу отдать... Но убить самой!

– Это ни фига не честно, – снова помимо воли вырвался обиженный тон.

– А ты подвиги пришла совершать? Собой жертвовать ради близкого? Нет, Бэмби, ты хочешь заключить сделку с дьяволом, тогда играй по его правилам.

Он одернул рубашку, взглянул на нее в последний раз, будто тоже запоминая черты лица, и развернулся.

– Думай, – бросил он напоследок.

С неба снова закапало, и Кира осталась стоять под дождем без движений, слушая далекий прибой.

Глава 5. Аркан 14, Умеренность. Аврора

Аврора не думала, просто двигалась. Отпустила голову, за ней и все свое тело. Наверное, со стороны это смотрелось как конвульсии, но ей было наплевать. Она уже не помнила, где скинула дурацкие свитера, и возвращаться за ними не собиралась. Всего несколько часов оставалось до момента, когда чудесный чаек Степана перестанет работать и она превратится в овощ на несколько дней или недель. Каждый раз выходило все хуже.

XIV

Поэтому она прикрывала глаза, продолжая видеть яркие всполохи на веках, и двигалась. В эти часы можно наплевать на всех вокруг. Наплевать на тех, кто шарахается прочь, когда она улыбается, а шрам растягивается особенно остро. Наплевать на новые заказы. На Котерию.

На сегодняшнюю ведьму, которая не желала идти из головы, сколько ни танцуй.

На холодные объятия, на шелест чужих крыльев, чем бы они ни были.

На такую редкую близость.

Нет, здесь нужно что-то позабористее обычных танцев. Аврора резко остановилась и нашла глазами бар.

Но день точно был проклят с самого утра. Не стоило и вылезать из потной постели. За барной стойкой в одиночестве сидел Крис.

Минимум треть, а то и половина этого клуба вели дела с дилерами. Кто-то тайно, чтобы не портить репутацию, кто-то, наоборот, открыто, чтобы пугать конкурентов. Но ни те, ни другие не готовы были водить дружбу с посланниками Котерии, и уж тем более пить за одним столом.

Аврора не имела таких предрассудков. Она протиснулась сквозь зал и опустилась на соседний стул.

– Я думала, ты уехал.

– Пф, – хмыкнул он. – Работа задержала.

– Купи мне «Лонг Айленд».

– А тебе уже можно?

– Давай предположим, что да, – она взглянула на Криса, так и не оторвавшего глаз от своего стакана с виски, и добавила на всякий случай: – После сегодняшнего уж точно.

Как ни странно, он не стал спорить и просто кивнул бармену. И уже спустя минуту Аврора протянула руки к вожделенному коктейлю. Она пробовала его раньше, пару раз удавалось уговорить знакомых в баре, которых обманывал ее шрам или огромный опыт в профессии. И она с нетерпением ждала следующего года, когда сможет покупать его сама, – по праву «Лонг Айленд» был ее фаворитом, уж если не по вкусу, то по эффекту определенно.

– Хочется накидаться, – неожиданно выдал Крис.

– А ты сможешь?

– Чем я хуже тебя, – он усмехнулся. – Просто моя доза до отключки сильно больше.

Дилер залпом осушил бокал, и пододвинул к себе следующий. Только сейчас Аврора заметила целую батарею одинаковых стаканов, на дне которых плескалась коричнево-золотая жидкость, – они прятались за плечом Криса и составляли весомую часть стола.

– Ничего себе, – присвистнула она.

– Годы опыта. – Он чокнулся стаканом о ее бокал и бодро осушил его.

– А мы будем потом играть в психотерапию? – хохотнула экзорцистка.

– Двадцать первый век отвратительный, – не сбавляя темпа, Крис осушил третий.

Аврора даже не мыслила угнаться за ним, но и упустить шанс на второй «Лонг» не хотела, поэтому тоже прибавила скорость. После какого-то по счету глотка музыка резко зазвучала приятней, а свет, прежде резавший глаза, смягчился. «Пристанище» стало уютным, манящим, интересным. Вот за это она отдельно любила «Лонги».

Аура дилера – а в этом месте мало кто не знал его – отгоняла лишние уши. И можно было сказать, что в самом разгаре вечеринки они остались вдвоем посреди толпы. Аврора в нелепой старой шапке и белым вороньим гнездом под ней, и Крис, с пикантно расстегнутой верхней пуговицей черной рубашки. Что-то было в этом... почти романтическое – вдруг подумалось ей.

– А какой век был лучше?

– Хм. – Дилер задумался аж на два стакана. – Девятнадцатый. Повсюду так благородно стрелялись. Культура дуэлей канула в Лету.

– Ты серьезно?!

– Нет. – Крис улыбнулся впервые за вечер и наконец-то повернулся в ее сторону. Голубые глаза, которые так пугали Аврору порой, ярко горели. Что бы он ни говорил про опыт, перед виски все равны. Особенно виски в таком количестве. – Всегда и везде одинаково дерьмово, крошка.

Аврора потрясла льдом на дне своего огромного бокала и,

насколько могла, заискивающе глянула на собеседника. Он снова кивнул бармену.

Заиграла медленная музыка, и танцпол слегка опустел. Откуда-то потянулся дым с едким запахом, застилая ноги.

– Если одинаково дерьмово, то почему все не бегут в Котерию... к тебе, за лучшей жизнью.

– Люди стараются справляться сами, и знаешь, это радует. Никогда не был трудоголиком...

Он нахмурился, обернувшись на дым за спиной.

– А кем ты был?

– Что? А... Инквизитором.

– Пфффффф. – Аврора поперхнулась и надолго закашлялась. – Ке-е-е-ем?

– Служителем святой католической церкви.

– Вот тебя занесло...

Она притормозила со вторым коктейлем. В «Лонге» все было хорошо, кроме переборов. И только сейчас она задумалась, как он будет сочетаться со Стешиным чайком.

Зал вокруг уже плыл в легком тумане, то ли от выпитого, то ли от странного дыма. Прямо на ее глазах пара человек резко ушли вниз, будто с другой стороны их что-то потянуло. Больше они не вынырнули, но никто не обратил на это внимания. Обратная сторона «Пристанища» открывалась после двух, как, впрочем, и в любом другом клубе.

Аврора взглянула на коварный дым под ногами и инстинктивно придвинулась к дилеру. В такой компании ее

вряд ли утянет на пол.

– И как там, есть обещанный рай после смерти? Куда попадают служители церкви? – Она хотела хмыкнуть, но не рискнула, глядя, как Крис опрокидывает очередной стакан.

– Как ни беги, от своих грехов никуда не деться.

– Ну, ты перешел в конкурирующую организацию. – Она все же громко закатилась со смеху. Остановиться было действительно сложно. И даже спокойное, тоже плывущее в этой дымке лицо дилера, не помогло.

Она скинула дурацкую шапку прямо на пол и взъерошила волосы.

– Однако наступаю на те же грабли... – продолжил Крис. – А, неважно.

Аврора прыгнула со стула и встала совсем близко.

– Переживаешь из-за сегодня? Тебя хотели подставить?

– Нет, – он покачал головой. Стопудово соврал.

В это мгновение кто-то совсем рядом щелкнул пальцами. И дым, оплетавший ноги все это время, резко поднялся до самого потолка. Аврора все еще видела Криса, кусок барной стойки и ничего больше. Как ежик, она потерялась в тумане, но не испытала страха. Лишь приятная расслабленность продолжала разливаться по телу. Всполохи света разрезали гудящий зал, но казалось, что они остались совсем вдвоем.

– Два года, – почему-то сказал Крис.

– Что? – в который раз за вечер переспросила Аврора, больше не чувствуя себя душой.

– Этот колдун отдал два года за редкий шанс призвать немного тумана. Чтобы кидаться им на вечеринках...

– Не такое плохое умение, – выдохнула она и преодолела последний шаг, что отделял ее от Криса.

Криса, пять лет назад спасшего ее жизнь. Криса, не убравшего ее шрам бесплатно. Криса, вечно напоминавшего о сделках.

Дьявола, который не достанется ей бесплатно.

Голубые глаза горели еще ярче от его виски или ее «Лонгов», ловя всполохи сквозь туман. Слегка выющаяся прядь выбилась из хвоста, и Аврора протянула руку, чтобы заправить ее за ухо.

Крис стоял на месте, и его лицо ничего не выражало. Его вид мог оттолкнуть, если бы не притягивал ее так сильно.

Аврора закрыла глаза и слегка подняла голову, приоткрыв губы. Долгие секунды ей казалось, что ничего не произойдет. Она в вакууме их отношений, никогда и не к чему не ведущих. Туман в голове от двух «Лонгов» притуплял чувство стыда и подогревал решимость.

Она чуть подалась вперед.

А потом ее губы накрыли чужие. Твердые, жаркие. И тут же уверенная рука легла на бедро. Вторая схватила за волосы, потянув вперед, еще ближе, вжимая в себя.

Аврора стояла посреди танцующего зала, укрытая туманом от чужих глаз, и чувствовала, как черноволосый дьявол утягивает ее на дно. Как она почти уговорила утянуть ее

глубже.

Руки беспорядочно шарили по телу, ловко расстегивая лифчик под единственной оставшейся кофтой, дергая пояс на рваных джинсах. Уверенные руки, которые явно не знали отказов.

Впрочем, отказ – это последнее, что могло прийти в голову. Аврора все еще чувствовала его дыхание на своем лице, когда не смогла сдержать первый стон. Ее руки робко потянулись обнять в ответ, но ни в коем случае не помешать. И было наплевать, сколько людей вокруг услышат. Сейчас джинсы сорвутся вниз и...

Крис резко отпрянул. Критично оглядел Аврору, как нашкодившего котенка, поправил штаны. Магия туманного мгновения рассеялась, оставляя лишь горький привкус алкоголя во рту.

– Езжай домой, – сказал он это почти ласково. Не обвиняя, не укоряя, но весь «груз» выпитого и сделанного мгновенно свалился на плечи.

Она так отчетливо представила, как завтра, недвижимая в кровати, будет сгорать от стыда за эту слабость. Как будет смотреть ему в глаза... К горлу подкатила тошнота, и Аврора инстинктивно прикрыла рот рукой.

Дилер открыл приложение такси на телефоне и вбил ее адрес.

– Две минуты. Мосты уже свели...

– Почему? – все-таки выдохнула она. Грань и так была

пройдена, осталось идти до конца. Если позориться, то с головой. – Я больше не маленькая девочка, и ты же хотел этого! Я не стану жалеть и прекрасно знаю, что дилерам запрещено, что любые отношения с тобой всегда ограничатся только сексом. Я знаю правила и не прошу большего, так почему нет?!

Она кричала? Слова давались с трудом, но казалось, что язык не заплетался. Просто было тяжело говорить то, о чем она боялась даже думать.

– Аврора... – Он не растерялся и опять был дьявольски спокоен. И лишь глаза больше не горели. – Я решил не терять хорошую экзорцистку из-за одного порыва. Мне есть с кем спать. И ты, поверь мне, тоже найдешь.

Она потупила взгляд и опять прошептала:

– Почему?..

Совершенно детская обида накрывала и пьяно-уютную обстановку клуба, и горящую от недавних касаний кожу. Все становилось болезненным, острым.

– Потому что ты хочешь большего, а я нет, – просто ответил Крис. Аврора больше не подняла глаз. – Напоследок... – Он коснулся ее плеча, вероятно, с какой-то целью.

Но она уже бежала прочь, скрыться на темной улице до того, как рассвет застанет ее стыд. За порогом «Пристанища» ее все-таки вырвало. Но этого уже никто не видел, и горячие слезы, хлынувшие потоком вслед за коктейлями, тоже.

Когда такси осветило фарами вход в подвал, она стояла,

прижавшись спиной к стене дома. Крис так и не вышел попрощаться, но Аврора решила не брезговать вызванной машиной.

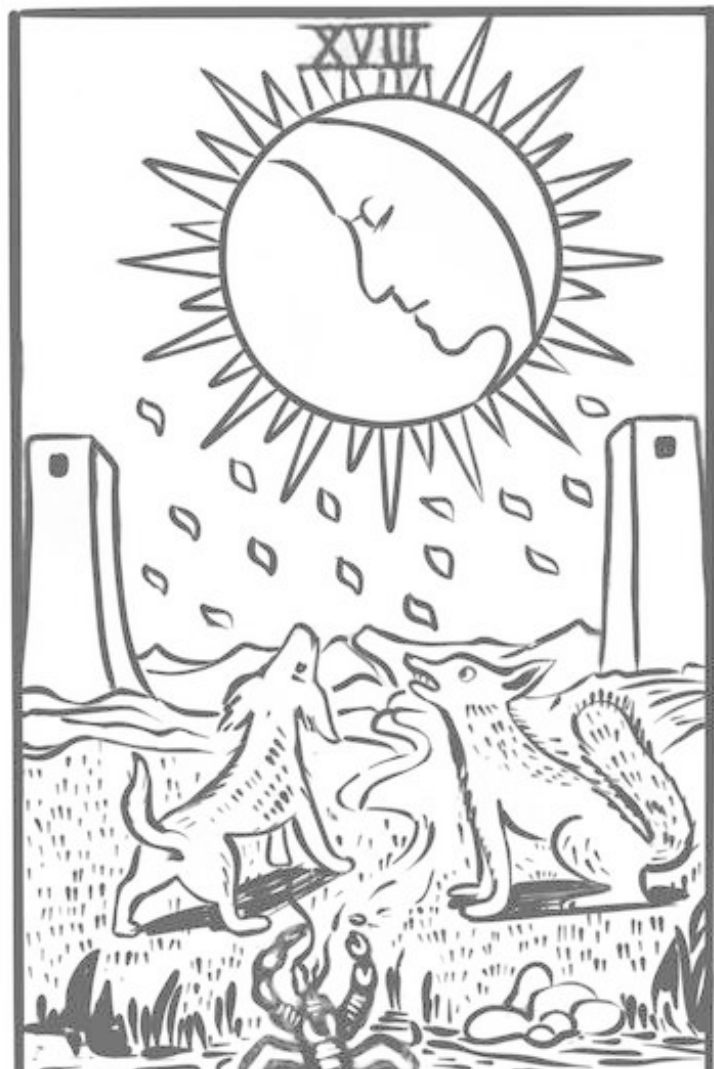
Она молча плюхнулась на заднее сиденье. Водитель вдавил педаль газа чуть резче, чем стоило, но это сыграло ей на руку. Последние следы тошноты пропали, и она вообразила, как оставляет за спиной все неясные чувства этой ночи, весь позорный налет, которым она покрылась с ног до головы. Машина увозит ее, и на дороге как неприкаянные остаются валяться прожитые эмоции. Они покатаются прочь, чтобы их подобрал кто-то другой, или навсегда останутся без хозяина – главное, они больше не будут принадлежать ей.

Как легко все решить. Отпустить последние терзания. Рискнуть, проиграть и не получить расплаты. Оставить все на дороге, которой она больше не пройдет. А первые лучи рассвета погрузят ее в новый Город, где не останется следов этой ночи.

Как легко все решить, когда ты пьян и безрассуден. Аврора тихо застонала.

Глава 6. Аркан 18, Луна. Кристоф

Я опрокинул новый стакан, осталось еще девять. Вначале я не обратил внимания на их количество, но теперь, когда батарея значительно уменьшилась, начал обратный отсчет.

Итак, **девять**. Приложение такси подсказало, что Аврора все же села в машину. И я похвалил себя за выдержку, потому что ситуация была идиотской. Нельзя спать с малолетками, когда у них так горят глаза, это всегда кончается плохо. В прошлый раз такая же одаренная пришла ко мне заключать сделку на мою же свободу. Чтобы я смог отказаться от Котерии и остаться с ней, даже душу не постеснялась предложить. Одаренная, не то слово.

В такие моменты я рад, что нам запрещены подобные связи, и любой другой дилер отказал бы ей так же, как сделал это я. Секс, мимолетная связь – самое большее, на что можно рассчитывать. У нас не так много правил, но они непреложные. И почему это так будоражит неокрепшие умы наивных девиц?

Восемь. Стоило бы поискать спутницу на ночь. Повзрослее, разумеется, и без лишних моральных терзаний. Чем хороши ведьмы, они страдают такими загонами гораздо реже, чем обычные смертные. А после такого трепетного начала, которое устроила Аврора, обязательно хотелось продолжения. Проявлять чудеса выдержки повторно я не намерен.

Несмотря на поздний час и будний день, зал все еще был заполнен, я мог выбирать. Дымка рассеялась, и вон та девушка в красном платье по колено довольно мила. Она постоянно ерошит челку рукой, поправляет волосы и не сводит с меня взгляда. Она принимает правила моей игры и явно

зовет в свою.

Позже, я подойду к ней позже. Или к кому-то другому.

Семь. Я редко говорю об этом, а думаю еще реже. Быть дилером – паршиво. Паршиво знать, что в конце пути тебя ждет небытие, что бы ты ни сделал. Паршиво не иметь возможности передумать, исправить, отыграть. Паршиво всю жизнь делать мерзкую работу, на чьей бы стороне я ни был.

Я могу быть кем угодно, ангелом или дьяволом, все это будет не важно в конце пути, который неизменно приближается. Сколько лет я еще продержусь? Сотню? Пятьдесят? Пять?

Мои грехи больше никто не осудит, я не должен осуждать чужие. Я всегда играю по нотам, и никогда не промахиваюсь. Я идеальный исполнитель, черт бы все это побрал. И победит.

Шесть. Но в отличие от моей прошлой жизни, где винить я мог разве что обстоятельства, в посмертии и моем выборе виноват один конкретный человек. Жалею ли я о своем выборе? Безусловно! Сделал бы я другой? А вот тут всегда теряюсь... И предпочитаю больше не размышлять о том, что невозможно исправить.

Пять. Виновата ведьма. Как всегда, ищите женщину, даже если речь идет об инквизиторе. Одну столетия назад умершую ведьму... Которую я встретил сегодня.

Могла ли это быть она? Существует ли реинкарнация или что-то подобное? Ведь я никогда не сталкивался с этим. Но

и я не знаю всех истин. А она как две капли воды. Надо же, до сих пор помню.

Четыре. Кто-то там наверху, кто бы там ни был, здорово посмеялся надо мной.

Три. Я посмеялся над всеми и утопил себя. Либо ее убьет мой приговор, плата, которую я назначил, либо она попросту сбежит. Либо выполнит условие, и я пойму, что моя жертва просто не стоила того.

В прошлый раз я ее сжег. На этот раз морально уничтожил.

Я верен себе.

Я рассмеялся, и бармен отодвинулся еще дальше.

Два. В моем кармане зазвонил телефон. Три часа ночи? Четыре?

Я посмотрел на номер и с трудом сдержал вздох. Ну, конечно, так просто все не закончится.

– Слушаю, – я хотел сказать жестко, а вышло почему-то грустно. Наверное, потому, что я только что думал о ней.

– Ты... ты!

– Так ты заика, в этом все дело?

– Почему ты такая сволочь?!

Ее голос звучал одновременно неуверенно и слишком импульсивно, даже не представляю, как такое возможно. И она точно была пьяна.

А я ненавидел, когда на меня орут.

– За подтиранием нежных девичьих жоп ты обратилась не

в ту фирму! – рявкнул я в ответ. В трубке воцарилась тишина. – Высказалась? Полегчало?!

Я уже хотел завершить диалог, когда она тихо и не очень внятно сказала:

– Пожалуйста... Просто заberi мою душу, и все, ведь ты назначаешь плату. Я так больше не могу...

– Нет. Все страдают, и ты страдай. Жизнь – не сахар, Бэмби.

И все-таки бросил трубку. Хотелось выкинуть айфон, но я сдержался.

Инфантильная дура.

Один. Ноль.

Я так зол, что весь эффект от виски сошел на нет. Не отсчитывая, кинул купюры на стол и вышел из клуба. Это чертовски хреновый день.

Над мостовой разливались теплые рассветные лучи, и я долго стоял без движений и чувствовал, как утренняя прохлада остужала мой пыл.

Я всегда мнил себя спокойным человеком. И довольно часто соответствовал своим ожиданиям. Но буквально пара фраз этой девчонки, да что там, один ее вид выводил меня из себя.

Не хотелось думать и копать, почему так происходит. Нужно просто выдохнуть, выкинуть из головы целый день. А лучше целую вечность, если бы мог зажить с чистого листа. С чистого листа, чистых помыслов и памяти.

Память – главное, что есть у дилера. Мы уже не люди, а просто тени, следы Котерии. И воспоминания о нашей жизни, какими бы ни были, это все, что держит нас в мире живых, что хранит последнюю частичку человечности в наших телах. Отобратить память – не будет личности – и тень меня бесследно растает в небытии.

Вот на что обрек себя я сам когда-то. И глупо винить эту девчонку или ту ведьму.

Мы приходим и уходим из этого мира одни. Никто и никогда не виноват в нашем выборе.

Я сел за руль. Спокойно зарычал мотор, педаль плавно ушла в пол. Я разгонялся медленно и позволил себе настоящую скорость только на Кольце вокруг Города. Утренние лучи били в спину и будто прожигали дорогу передо мной. Она была блаженно пустой.

Справа от меня огромный Город сонно вздыхал на рассвете, не спеша возвращать на свои улицы суetyающуюся, бующую ключом жизнь. Он пестрил высотками по краям и редкими пиками центра. Стекло отражало лучи, направляя их в глаза, и первые солнечные блики скакали, когда я прикрывал веки.

Даже закрыв глаза, я продолжал видеть дорогу перед собой, а Город становился еще отчетливее. Будто я мог ощутить его пульс, впитать эмоции живых, которыми он наполнен, которыми он живет сам, – и тоже прожить их. Внешне пасмурный и серый, но такой наполненный внутри. И стоит выглянуть хоть лучику солнца, и все его многообразие мгно-

венно запоет...

Цифра на спидометре перешагнула за двести, и я прогнал из головы эти мысли. Все, что я мог бы потерять — я в действительности никогда не имел, и за это тоже некого винить. У меня есть машина, есть Город и работа, от которой не бежать.

Я не просил о большем, я просто слишком много выпил.

И в то утро проехал целый круг по Кольцу. Я не считал время, не хотел спать. Перестал думать и не сбавил скорости, когда дорога наполнилась первыми машинами.

Вернулся внутрь Города я в районе Проспекта. Он уже местами был забит, поэтому я отбросил идею ехать домой сразу. Остановился у какой-то безымянной кофейни, которых в последние годы развелось больше, чем клиентов на безвкусный кофе. Но под сигарету ложилось чудесно, вкус был равно паршив и у обоих. Достойное завершение этого дня.

Или празднование начала моего конца — почему-то подумалось мне. Сегодня, вернее, уже вчера, начались две довольно опасные истории. Я мог попробовать держаться от них подальше (чем и планировал заняться)... Но кто верит в такие счастливые стечения обстоятельств, когда сразу обе пули, пущенные в грудь, пройдут мимо?

Я глотнул горьковатую гадость и затаился. Если выбирать, от чего умереть, то пусть... Нет, я не стану загадывать и просто просплюсь. Завтра чужие глаза не будут так остро резать память. Глаза ведьмы, потерявшей рассудок, прене-

брегшей главным правилом этого мира – не лезь к Котерии.

И другие глаза, огромные, оленьи. Я снова не спросил, как ее зовут. Но стоило бы помолиться всем высшим силам, чтобы больше не видеть этой девушки.

Спать все еще не хотелось, а кофе хоть и был дилетантским, все же бодрил. Энергии прошедшего дня мне бы хватило на еще один круг по Кольцу, но большего эффекта, чем сейчас, я уже не добьюсь. Стоило отправиться спать, но вместо этого я опять прыгнул за руль. Хотелось чем-то добить этот день. А всего в десяти кварталах отсюда жила одна из самых приятных моих клиенток.

Пифия, – как любила называть себя Полина, – была на редкость адекватной девушкой. Но, к сожалению, и ее не обошла новомодная страсть к оккультизму, что и свело нас когда-то.

Вместе с бабушкиной колодой Таро настоящего провидческого дара Полине не досталось. Можно было изучить подноготную, выучиться на психолога или просто тонко видеть души – редко тарологи претендуют на что-то большее. Но Полине хотелось все «по-настоящему», как было у бабки, которую она наблюдала все детство. В таких ситуациях и звонят мне.

Всего за каких-то пару столетий желания людей сменили вектор на сто восемьдесят – раньше дар пытались скрыть и потерять, а теперь – найти и выложить на самое видное место, на зависть подружкам. Цена такой сделки невелика, чи-

тать по картам не то же, что узнавать будущее в видениях и прочих дурманных состояниях. Самое смешное, что колода могла быть какой угодно – игральные 36, покерные 52, да нарисуй любые картинки и кидай их произвольно, лишь бы клиент восхищался. Почему-то выбор пал на 78 карт Таро, и вот уже которое столетие в моде лишь они. Хотя людям с настоящим даром наплевать, куда смотреть, как и хорошим психологам.

За несколько лет своей жизни Полина заработала авторитет Пифии в интернете, бабушкин дар и клиента в виде меня. Да, дилер ходит к тарологу, которого сам и создал. Иронично.

А самое ироничное, что даже человек, читающий карты, никогда не скажет в лоб. Все слова туманны и расплывчаты, как водица с болотником. Но, как дилер, я имел преимущество и мог предложить своей Пифии положить на хренову этику и говорить как есть. Без страха, что я сам пушу жизнь под откос, услышав не то предсказание.

Мне слишком много лет, чтобы полагаться только на гадания. Я жил достаточно, чтобы осознавать многовариантность путей. В конце концов, у меня и жизни нет.

Я свернул на бульвар и тормознул машину прямо у осуждающей статуи очередного писаки, которыми кишит весь Город. Он порицал меня за парковку в неположенном месте, а вдобавок каждого мимо проходящего за приземленность взглядов, плохой литературный вкус или банальную грязную

обувь. Скульптор был явно не в духе, сдавая свой шедевр.

Деревянная подъездная дверь, выходящая прямо на бульвар, тяжело скрипнула, пропуская меня внутрь. Под эффектом паршивого кофе я был слишком бодр и невесел, поэтому взлетел на третий этаж и ударил по двери. Вместо звонка.

Она тут же распахнулась, а на пороге уже стояла русоволосая девушка в пестрой шали и, улыбаясь, показывала мне Колесницу, седьмой аркан Таро.

Бесит, когда она так делает.

– Я ждала гостей еще полчаса назад, ты задержался.

– Пил кофе за углом.

– Крис... – Она задумалась, всматриваясь в мое лицо. –

Налить нормальный кофе?

Я кивнул. Не хотелось думать, что именно выдавало мое лицо, вариантов было много.

Сегодня квартира была в фиолетовых тонах. Полина не любила постоянство, и, мне кажется, будь ее воля, переезжала бы каждый месяц. Но постоянство адреса требовала ее работа, поэтому она отрывалась на интерьере.

Повсюду горели свечи, распуская лавандовые ароматы. В другом месте запах был бы приторным, но она умудрялась так ловко их разбавлять, будто даже в этом процессе присутствовала ее магия. Светлый ламинат прихожей и гостиной укрывали темные ковры с крупным ворсом и скромным ненавязчивым рисунком по углам. Нейтрально бежевые стены были завешаны полотнами с кельтскими узорами и три-

листниками. Широкие окна закрыты тяжелыми атласными фиолетовыми шторами, часть свечей прятались в подсвечниках со стеклами тех же цветов. И лишь гирлянды, в изобилии пестрящие на голых участках стен, по-прежнему источали теплый желтый свет.

Гостиная смотрелась одновременно уютно и мистически, будто я зашел в гости к фэйри.

– Клиентам так нравится, что уже третий месяц не меняю, – улыбнулась Полина, входя в комнату с двумя ароматными чашками кофе.

– Да, тут неплохо, – согласился я. – Я бы сам повелся, будь я обычным зевакой.

– Но ты суровый и неподкупный, не ведешься на мои заманухи.

– Я жил во времена, когда за всю эту ритуалистику жгли и сажали на кол, – жестко отбрил я. – И считали, что в таких местах обитает дьявол.

– Не обитает, а просто кофе пьет. – Она не убрала улыбки, но взгляд стал более настороженным. Как я уже говорил, Полина была очень адекватной ведьмой и не любила ходить по краю.

– Слишком много сравнений с дьяволом за одну ночь, – выдохнул я и наконец-то перехватил свою чашку, опускаясь на стул клиента перед широким столом.

– Я бы на твоём месте пугалась, если бы начали сравнивать с ангелом. – Она поставила свою чашку на пуфик, сама

уселась напротив в широкое деревянное кресло с резными подлокотниками, доставшееся ей от бабушки, и выдохнула.

– Это было бы смертным приговором, – хмыкнул я, наблюдая, как тяжелая бархатная ткань с вышитой золотом в центре пентаграммой укрывает стол.

Полина поставила по краям еще пару черных свечей, поджигая их от спичек. Нового запаха не добавилось, но по столу судорожно заплясали тени. Она взяла в руки большую колоду, и в этот момент улыбка пропала. Серьезные серые глаза в упор уставились в мои, и даже куцые русые волосы будто обрели объем. Она вмиг преобразилась в неровных всполохах огня.

Я точно знал, что внешний вид не был прописан в нашем договоре, а значит, с этой трансформацией она справлялась сама. То ли женская магия, то ли бабкин дар не прошел мимо бесследно...

– Что ты хочешь узнать, Кристоф?

– Три пути, – этот расклад был моим любимым. Не нужно задавать лишних вопросов или как-то направлять мысли ведьмы, и тем более подсказывать ей. И он оставлял простор для выбора.

Иронично – в обычной жизни у меня не было выбора, зато есть его иллюзия на карточном столе.

Полина еще с минуту сверлила меня взглядом, воплощая то представление Пифии, которое ей казалось самым достоверным. Потом медленно перемешала колоду и выложила

пирамидой – одна карта, ниже еще три. Отложила колоду в сторону, но не стала убирать. За это я ее отдельно ценил, она всегда уточняла и докладывала карты.

– Сигнификатор. – Пифия (уже именно Пифия, а не привычная мне Полина) схватилась за первую карту. – Ты сейчас...

– Дьявол. – Я позволил себе посмеяться, разве могло там быть что-то другое?

– Луна. Ты многое не видишь или не хочешь видеть. Полагаясь на логику, ты теряешь то, что способна разглядеть лишь интуиция, твой внутренний глаз...

– Дорогая, не читай мне значения карт из учебников, я знаю их лучше тебя. Ты не за это отдала три года.

На мгновение умудренная маска ведьмы слетела, являя миру раздраженную Полину, и мне даже показалось, что свечи полыхнули ярче.

– Ну что мне тебе тут новенького сказать?! Так и есть, Крис, сейчас вся игра идет у тебя за спиной. Ты смотришь на тени на стене пещеры, но не видишь, кто их отбрасывает.

– И надеюсь не увидеть еще лет сто хотя бы... – мрачно ответил я.

– Ах, даже так. – Она поняла меня без слов. Непреложный закон о сохранении тайн Котерии знали все, кто хоть однажды задумывался о настоящей магии. И рука Пифии дрогнула над следующей картой. Она подняла ее и повернула к себе.

– Первый путь... Крис, давай не будем продолжать? – Вот это было неожиданностью. Она подняла руку, чтобы смахнуть неоткрытые карты со стола, но я поймал ее за запястье. Сначала за одно, потом за другое.

– Полина, какого черта?!

Я вырвал карту и развернул к себе. Но под рубашкой оказалась пустота. И я тоже растерялся.

Свечи вспыхнули еще ярче, и я разобрал легкое шипение – будто на кончиках пламени что-то сгорало.

– В моей колоде есть пара пустых карт, на всякий случай, они почти никогда не выпадают... Когда смотреть дальше не стоит.

– Или когда смотреть нечего, я понял. Говоришь, их две? Я правильно угадал следующую?

Полина вздохнула и перевернула карту второго пути – пустота. Значит, я снова не имел выбора. Но мне не привыкать.

– Крис, карты – это только часть реальности, это вилка в любом случае, всегда есть второй путь.

– Открывай дальше, Пифия. Мне уже не тридцать, я сам разберусь, что делать с твоими картами.

– А что было в тридцать? – Она спросила между делом, уже подхватывая вверх последнюю карту, которая могла определить мой дальнейший путь, уже без других вариантов.

– Я умер.

Сегодня у карт было дрянное чувство юмора. Передо мной развернулся черный всадник тринадцатого аркана Та-

ро – Смерть.

– Я кардинально сменю взгляды? Уклад жизни? Тачку?

– Нет. В твоём случае значение только прямое – завершение пути дилера Кристофа. – Она постаралась сказать это мягче, тише, но слова все равно звонким эхом ударились о стены.

По ее лицу я видел, как она хочет ослабить эту новость, уменьшить градус фатальности. Но утешения застревали в горле, и Полина молчала.

Как молчал и я, стараясь сделать свое лицо абсолютно непроницаемым. Я мог делать вид, что я бесстрашный и бесчувственный демон на службе Котерии, каким и должен быть. Моя роль всегда давалась мне легко, но именно сейчас игра была бы заметной. И, что спорить, фальшивой. Поэтому – ни единой, черт его побери, эмоции! Чтобы никто не понял, что эта новость значит для меня...

– Открывай дальше, – ровным, как мне показалось, тоном сказал я, когда тишина совсем затянулась.

Полина взяла колоду и продолжила медленно выкладывать карты цепочкой, одна за другой. Они ложились, как ступени на мой эшафот.

Положив тринадцатую, она резко откинула колоду в сторону и выдохнула.

Нужно было лечь спать.

Первые две карты, озаглавливающие всю вереницу, она перевернула махом. Колесница и Отшельник.

– Ты уверена? – в последний раз переспросила, и я кивнул. Ну что за черт дернул меня кивнуть?! Тут же вернулась спокойная Пифия, выполняющая свою работу профессионалка. Что бы ни лежало на ее столе, теперь она зрит будущее и расскажет все. – Ты видишь, события уже запущены, и Колесницу не остановить. Ты можешь попробовать как-то влиять на этом этапе, чтобы изменились исходные и перегнуть ситуацию... Сможешь ли ты сбить колесницу, не ложась под колеса? Тут точно не скажу, но есть человек, который противостоит тебе.

– Именно человек?

– Скрыто, – удивленно подняла брови Пифия. – Но это одиночка, во всяком случае, сейчас союзников не вижу. Но вижу силу, способную погубить многих. И вижу его дух, сильный, уверенный.

– Он? – я насторожился. – Или она?

– Ничего больше не вижу, нужно открывать дальше.

Я кивнул. Вот и мои ступеньки. Девятка мечей, веселое начало – на карте девушка уткнула лицо в руки, а стена за ее спиной была увешана мечами. Не любил я эту карту. Хотя кто любит страдать?

– Знаешь, это вроде чужая боль, но порежет и тебя. Не сочувствием, от него ты открестишься, но чем-то глубже. Боль всплывет из прошлого и привяжется к этой. Ой...

– Давай дальше, – теперь я по лицу понял, о чем она догадалась. Или увидела.

– Ты думаешь, это тебя убьет? Но ты ведь можешь...

– Дальше.

Следующая ступень перевернулась на столе. Рыцарь пен-таклей – самоуверенный юноша на коне, несущий в руках монету. Если это не я, то хорошего не жди. Эти заносчивые юнцы, мечтающие выслужиться, – одна беда.

– А это тоже старый знакомый. Всплывет довольно скоро, мощный тип.

Она потянулась к следующей карте.

– И это все? Мощный тип?

– Я не стану говорить тебе вещи, которые могут помешать...

– Да чему тут мешать? – Я снова закипал. Нет, стоило лечь спать, дурацкий день. – Я двину кони со дня на день, а ты утаиваешь.

– Крис, будущее всегда вариантно, тебе ли не знать. Кстати, три месяца.

– Ну обнадежила, не то слово!

Но она уже переворачивала следующую карту. Восьмерка мечей. Связанная девушка на поле, утыканном мечами. Классика страдашек – бессилие.

– Это опять смерть, – тяжело выдохнула Полина. – Пока чужая, но уже запланированная, ты не можешь помешать. Но будто она на твоих глазах... Отвратительно, человека пустота поглощает.

– Выжженный разум всегда плохо выглядит.

– Почему? Блин, Крис, что происходит?

– Сегодня погибла ведьма. Вернее, она еще жива, в какой-то психбольнице, только ее разум выгорел. Сидит как кукла, привязанная на нитях кукловода. Ты права, отвратительно.

– Как с этим связан ты?

– Она звонила мне заключить сделку. А приехал я уже к пустоте.

– Ведьма открыла тайны Котерии и хотела что-то рассказать тебе? Хотела подставить? Развоплотить вслед за собой? – Она прикрыла глаза, схватив Отшельника. Думала недолго. – Нет, ведьма ни при чем. Ты думаешь, что есть человек, который хочет тебя подставить? Правильно думаешь.

– Какой интересный человек, знает, где и кого свести. И от взгляда закрывается, знает, сволочь, что будут искать.

– Погибнет еще одна, а ты не сможешь этого остановить. Не ввязывайся... Хотя колесница уже набрала обороты, ты не можешь не ввязаться.

Пифия кивнула и открыла следующую карту. Звезда.

– Крис...

– Дальше. – Я не хотел оставлять ей шанса на размышления и осуждения. Еще с девятки мечей я понял, к чему это ведет. Нет, я понял это даже раньше, сегодня на рассвете, когда с таким трудом старался успокоиться под шум прибоя. Прибоя, грозящего перерасти в шторм, который смоет меня навсегда.

Королева мечей, – статная дама на троне, сжимающая меч в руке, – она в равной степени могла быть союзницей или опасным врагом. Бывало разное.

– Это не один человек. Вторая смерть поднимет большой шум. Городской Ковен Роз... – Я громко застонал, закрывая глаза.

Стоит сказать, что от одного слова Ковен мне становилось дурно. Если раньше настоящие ведьмы объединялись, тайно, для защиты, то сейчас это переросло в простое позерство. И так называемые Ковены преимущественно (и громогласно) собирают люди, в которых и магии-то ни на грамм. Сейчас только ленивый не завел собственный Ковен.

Из тех, кто приходит ко мне, Ковенами увлекается меньшинство. И уж точно не на виду.

О Ковене Розы в Городе не слышал разве что глухой. Как эти ребята прорвались в мир настоящей магии – до сих пор оставалось для меня загадкой. Потому что настоящего дара ни у кого из них не было. Да и занимались они в основном модой – йогой, медитациями, практиками, боже упаси, осознанности. Они даже на сделки ко мне не приходили.

– Городской Ковен Розы, – продолжила Пифия, игнорируя мои стоны и картинное закатывание глаз, – соберет совет.

– Уж им-то ничего не грозит.

– Тем более полезные ребята.

Она коснулась следующей карты и замерла.

– Крис...

– Ты за сегодня мое имя произнесла больше раз, чем за последний год.

– Я не хочу рассказывать дальше.

– Эта информация может спасти мне жизнь. Существование. Хотя как это назови, но дышать мне нравится.

– Эта информация может ее и погубить. Я боюсь, что расскажу путь, и ты уже не сможешь с него свернуть.

Она подняла на меня печальный взгляд, убрала руку с карт и потянула в мою сторону. Но почти сразу отдернула. Видимо, сегодня я отвратительно контролировал не только эмоции, но и мимику.

– Я открою, просто не стану смотреть сама. А карты ты знаешь.

Кивнул. А что мне оставалось?

Полина отвернулась, и я принялся открывать свое недолгое будущее.

И следующим же выпало Солнце. Лучшая карта в колоде. Отрадно знать, что я хотя бы оторвусь напоследок.

Десятка мечей. Худшая карта в колоде. Вот это качели.

Пятерка мечей, поражение, конфликты. Точно проклятый Ковен Роз не усидит спокойно.

Семерка мечей. Хитрость, опасный противник, обман.

Да что же одни мечи лезут, как на битву отправляюсь...

Восемь кубков. Поиск нового пути. Ладно, спасибо, даже в этой ситуации я продолжу бултыхаться, это радует. Больше пугает, что эта же восьмерка не оставляет шансов жить как

прежде, изменения неотвратимы. А изменения в жизни дилера невозможны.

Восемь жезлов. Движение без препятствий, реализация планов. Чьих, интересно?

На этом расклад обрывался. Логично предположить, тем самым тринадцатым арканом. Я смахнул колоду и тут же засобирался на выход.

Полина долго мялась и, уже стоя в дверях, наконец спросила:

– Не останешься сегодня?

Она была крайне адекватной ведьмой, знающей, принимающей все правила игры и не падкой на предрассудки о дилерах. И, что скрывать, шел я к ней не за раскладом.

Но утро было не менее проклято, чем весь предыдущий день, и надо ложиться спать.

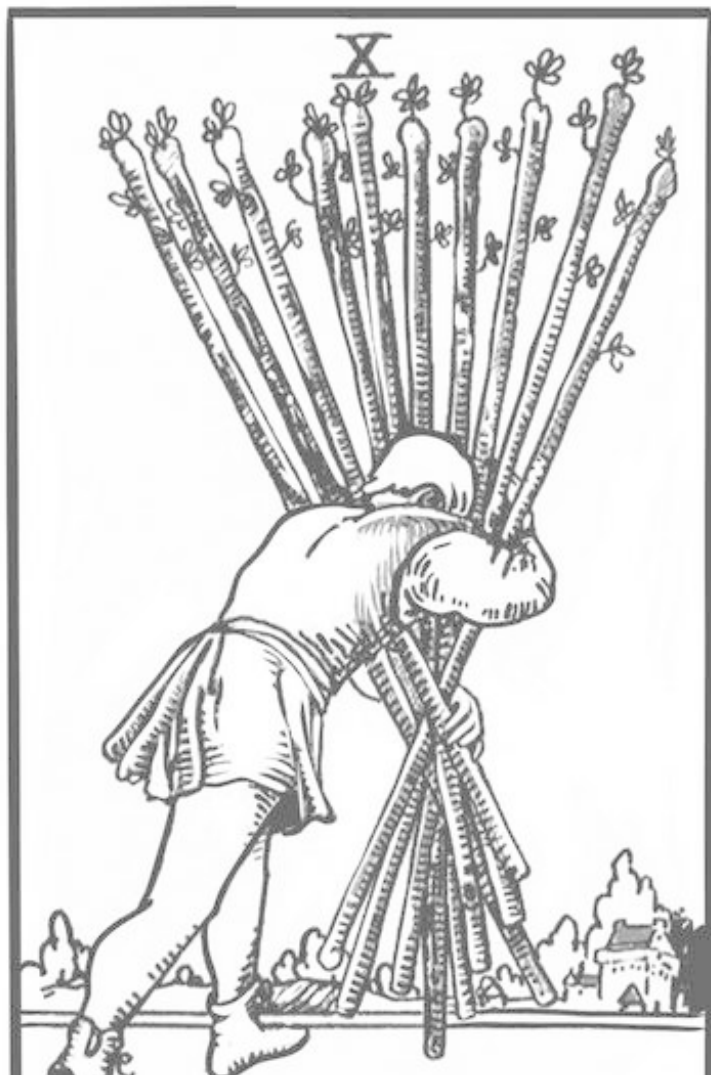
– Прости, не выспался, в другой раз.

– Другого раза может и не быть. По разным обстоятельствам.

– А ты не подглядывай, – я ухмыльнулся уголком рта и подмигнул. – До встречи, Полина.

Глава 7. Десятка Жезлов. Аврора

Утро наступило резко, как нож в спину в переулке. Аврора рывком откинула тяжелое, пропитанное потом одеяло и с облегчением почувствовала бродящий по квартире сквозняк. Она не горела в удушливом жару, не тряслась в ознобе, ощущала легкость и подвижность во всех конечностях, и даже похмелье минуло ее стороной.

Она тут же вспомнила, как Крис напоследок коснулся ее плеча в клубе. Он все-таки снял все последствия ее похождений и Стешиного чая совершенно бесплатно.

Аврора попыталась испытать благодарность, соответствующую этому событию, но и остальные воспоминания не заставили себя ждать. И не менее удушливая, чем вчерашняя, волна накрыла с головой. Волна лютого стыда.

«Потому что ты хочешь большего, а я нет».

Какой позор!!!

Как давно он знает?

Как мерзко...

Вроде он не сделал ничего такого, наоборот, остановил ее от опрометчивого шага. Но как будто душу открыли, развернули на всеобщее обозрение равнодушной толпы и накидали грязи.

Она не собиралась ни в чем признаваться, не хотела вешать ярлыков на свои неясные эмоции... Но требовала этого с Криса. И теперь злилась и на него, и на себя за то, что сегодня щеки были краснее шрама. Уголок рта дергался, чтобы привычно начать растягивать кожу в улыбке, но она так нервничала, что ничего не хотелось.

Бегать из угла в угол по старенькой однокомнатной квартире, выдрать с корнем облезающие обои, допрыгнуть до четырехметрового потолка и шариться там как последняя нечисть – всего этого хотелось, и ничего из этого не было

панацеей от ее терзаний. Нет, ну как так вляпалась-то?!

Крис никогда этого не припомнит, и в этом тоже были свои обида и стыд. При следующей встрече он не будет вглядываться, чтобы понять, как она. Не будет искать следы страданий и позора на лице. Будет вести себя как обычно – потому что для него ничего необычного не произошло! Инцидент исчерпан. Чертов дилер, как всегда, не виноват.

Чертов дилер... Голубые глаза медленно тухли в ее воспоминаниях, огонь желания сменялся усталостью – вот что она запомнит надолго.

– Тебе нездоровится? – крикнул хриплый голос из темного угла.

Вместо ответа она бодро подскочила с кровати. Из угла снова крикнуло, на этот раз с ноткой досады.

– С меня торт, сегодня куплю, – Аврора постаралась придать голосу непринужденный оттенок, но скрывать такие сильные эмоции от духа – все равно что прятать медведя в кустах смородины. Попробовать можно, но план точно некроется.

– Мм... Что же ты жалеешь тогда?

– А ты, Степан, уж не психологом ли заделался? А то давай разложим кушетку, будешь мне мозги чинить.

От одной мысли о подобном Аврора не сдержалась и хохотнула.

– Уж я тебе начиню, бесогонка.

Снять все защитки, амулеты и позволить духу творить то,

что заведено природой, – было бы не так мучительно, как весь вчерашний стыд.

Раз уж встала, и даже ноги не отнялись, пора было пить чай.

Современную моду на кофе она не поддерживала. Конечно, экзорциста все ожидали видеть женщиной, с дымящейся сигаретой во рту, холодным циничным взглядом и горячей чашкой кофе в руках.

Аврора рушила стереотипы и наслаждалась зеленым чаем без сахара и добавок. Травяной вкус бодрил, а отсутствие сахара будто незримо возвышало ее над толпой сладкоежек-подсластителей, не способных выдержать истинный вкус напитка. Каким бы он ни был.

Она поставила на плиту старенький чайник со следами ее безуспешных попыток смыть ржавчину и зажгла под ним газ. Плита засвистела раньше чайника, намекая, что ей тоже пора на покой. Но капитальный ремонт – не для кармана экзорциста. Да и Стеше не понравится.

В ожидании Аврора аккуратно уселась на край кухонного «уголка», заваленного всякой ненужной дрянью – старыми кастрюлями времен постройки самого дома, банками с заготовками, которыми ежегодно делилась соседка-огородница, журналами «UFO» двадцатилетней давности с вырванными страницами (детское увлечение, от которого Аврора так и не смогла отказаться), десятками упаковок с содой, солью, сахаром и прочей мелочью, которой она никогда не пользова-

лась.

Если спросить, почему бы не распахнуть все это добро по шкафам, которых тоже было в избытке на кухне, то очевидный ответ напрашивался сам. Те шкафы, двери которых еще не выросли в основание, были забиты тем же. Хозяйка не часто бывала здесь дольше одной-двух чашек чая, а Степан любил хлам. В этом они идеально подходили друг другу – один любил беспорядок, а вторая его просто не замечала.

Наконец-то чайник засвистел громче плиты, Аврора выплыла из блаженной протрации, в которой она разглядывала окружение, и вернулась в свою реальность.

Сегодня истинный вкус чая был с ноткой стыда. Даже самый вкусный зеленый листик не способен закопать яму внутри, которую роют совесть на пару с неподвластным подсознанием.

Прочь! Нужно выйти в Город из давящих стен, где живы воспоминания о вчерашнем жаре.

На этот раз Аврора потратила кучу времени, но вычесала колтун на голове. Белоснежные волосы спустились ниже лопаток, несколько прядей перешли на лицо – прикрывая безобразный шрам. Закончив, она накинула любимое черное пальто в пол и уже бегом вышла на улицу. Ветер мгновенно забрался за ворот, но о выборе она не пожалела.

Полы пальто и пряди закружились вокруг нее, когда Аврора вышла на Проспект. Полдень буднего дня – вокруг шатались только туристы. Заряженные городским очаровани-

ем, восторженные, не перестающие фотографировать. Совершенно не то зрелище, которое хотелось видеть сейчас.

Поэтому пройдя до ближайшего канала, Аврора свернула вдоль набережной. Внизу, на воде, тоже сновали маленькие туристические лодки и катера, но они были далеко. А на узкой дорожке вдоль канала, как всегда, было пусто. Она любила ходить здесь, когда хотелось одновременно ускориться и замедлиться – вода в канале шумела, а собственные мысли становились тягучими как воск.

Плеер в ушах запустил в случайной подборке какие-то незнакомые шаманские мотивы, так замечательно попавшие в ее собственную волну. Барабаны и ритмичные напевы на незнакомом языке превратили прогулку в часть непонятного, но увлекательного действия. Еще пару кварталов спустя она наконец-то смогла выкинуть прошедшую ночь из головы. По крайней мере, до того момента, как придется возвращаться домой.

Слева над водой низко кружили голодные чайки, справа изредка проезжали машины по узкой однополосной дороге. На небе собирались серые тучи в преддверии дождя. И внутри словно щелкнул тумблер. Как всегда.

Мысли, до этого медленно приходившие к безмолвию, опять закружились – на этот раз вокруг зудящего желания действий. Не это ли лучшее место, не это ли лучшая погода?

На самом деле не существовало «лучшей» ситуации, подходила каждая. Потому что желание Авроры, как болезнь

(пожалуй, психиатр назовет это навязчивым расстройством), начавшись, подстраивало под себя все происходящее.

Вот эта пустота на дороге (одинаково – вот это стечение толпы на развилке), вот эта музыка, вот эта туча. Нужно действовать, нужно видеть – она должна, она обязана. Если не смотреть, случится непоправимое.

Она любила и ненавидела эти состояния, но соскальзывала в них не просто по накатанной, но будто мча на санях с любимой горки. Можно попробовать соврать себе, что она устоит на этот раз, просто прогуляется, что это желание не властвует над экзорцисткой безраздельно. Ведь она не для этого вышла погулять, правда?

Все же, оттягивая момент, Аврора с трудом держала себя «по эту сторону». Навстречу шел молодой парень, в коротком черном пальто, и наряд Авроры явно привлек его внимание – взгляд скользил по ней, не отвлекаясь ни на машины, ни на чаек. А потом порыв ветра сдул с лица волосы, открывая шрам. И юноша постарался поскорее пройти мимо.

На этот раз она улыбнулась вполне искренне возвращению своего одиночества посреди Города.

Аврора была вся как ее шрам – недоделанная, местами кривая и резкая, везде не к месту и всегда как на войне. Шрам скрывал ее возраст и добавлял солидности. Он отпугивал всех, кого она хотела бы отпугнуть – стоило лишь улыбнуться. И он скрывал ее чувства не хуже маски.

Но главное, что с ним Аврора никогда не была «обычной».

Это как надеть карнавальный костюм и спуститься в метро. Все будут видеть, что ты не простой офисный планктон, ты едешь на вечеринку с фантазией и скоро тебе будет довольно весело. Кто-то позавидует, кто-то осудит, но даже прошедший мимо будет знать, что ты не из общей массы. С шрамом то же самое.

И она с мучительным удовольствием отпустила мысли. Позволила себе видеть то, что другим не дано.

Всегда как на войне, вокруг – как поле битвы, где мертвых не счесть и тела закрывают землю ковром.

Аврора моргнула, и набережная преобразилась.

Слева по-прежнему бились в голодных поисках чайки, справа проезжали редкие машины. И даже серые цвета не потеряли в красках... Но все укутали крохотные яркие огоньки. Тут и там они мерцали, плясали одним им ведомый танец, хаотично двигались, пытаясь куда-то вести.

Город был усеян этими маленькими светлячками, и где-то их было даже больше, чем фонарей на Проспекте. И для тех, кто мог видеть – картина была воистину завораживающей... если не знать ее суть.

Когда Аврора увидела их впервые, она попалась. Она была еще ребенком и решила, что оказалась в сказке. Что ее окружают феи и добрые эльфы, что за углом начнется настоящее волшебство. Она радостно неслась вперед, забыв обо всех своих делах и желаниях. Лишь одно стремление двигало ею – присоединиться к хороводу, отправиться в сказку,

которую сулили огоньки, навсегда.

Ее с трудом поймала бабушка. Она же учила не смотреть – никогда не смотреть без надобности. Да и тогда не задерживаться, дольше минуты выдержать мог не каждый взрослый.

Потому что Блуждающие огни заведут тебя в болото.

С первого раза Аврора не поняла, и уже через неделю бабушка снимала ее с моста. Через месяц – с крыши дома. Тогда попытки «поглядеть» Аврора оставила надолго, хотя желание не покидало.

После смерти бабушки желание превратилось в навязчивую идею глянуть, испытать этот восторг, к которому с годами примешался и страх. Оставшись сиротой в двенадцать, Аврора перестала сдерживаться.

Блуждающий огонек – это след души, погибшей не своей смертью. От человека уже ничего не оставалось, кроме агонии, испытанной в последний миг. Она светила так ярко, что оставалась и после «ухода» души.

Никто не знал, был ли у них разум, или они просто по инерции заманивали в свои сети, иллюзорные игры каждого, кто мог их видеть. И каждого, кто заметил случайно, в измененном состоянии или просто по ошибке. Заманивали, чтобы довести до болота и утопить, убить любым доступным способом. Пополнить свои ряды.

Аврора была экзорцисткой с большим опытом в свои неполные восемнадцать. Аврора знала все это. Аврора умела не смотреть.

И она же срывалась регулярно, перестав бороться.

Один раз окунувшись в мир Блуждающих огней Навьей стороны Города, Аврора уже не могла остановиться.

Вдоль набережной огней всегда было больше. За столетия, что существовал Город, люди тонули и топились бесчисленное количество раз. Здесь пляска светлячков была особенно «живой», манящей – сделай шаг и присоединяйся.

Аврора смотрела так же заворуженно, как в детстве, но не шагала. Сначала ради этого ей приходилось приковывать себя к окружающим предметам. И она гордилась, что теперь может смотреть и не идти – минут десять, а то и больше.

Мертвая сторона сияла чужими страданиями. Экзорцистка чувствовала, как ее обдувает ветер «обычного мира» и одновременно трепещет его изнанка. И она сама явно не была «обычной» в эти моменты.

Она протянула руку к ближайшему светлячку, будто могла ощутить и потрогать его. Он скользнул вдоль ладони, нырнул в стаю таких же бестелесных огней, а потом резко рванул к дороге. Так сильно, что она чуть не шагнула следом.

Мимо на огромной скорости пронеслась машина. А в голове мгновенно нарисовалась картина, как она шагает под колеса, визг тормозов разрывает спокойный день, и удар сопровождает неприятный хруст костей.

Ее передернуло.

Но огонек и не думал останавливаться. Он перелетел дорогу и рванул к ближайшему дому. Там ненадолго задержал-

ся у подъезда, потом поднялся вдоль окон до третьего этажа и застыл.

Он манил и ждал, но Аврора стояла на месте, привычная к такого рода давлению. А вот случившееся дальше в рамки «привычного» не укладывалось.

Сначала она почувствовала взрыв. Совершенно бесшумный, но отозвавшийся болью где-то за грудиной. От места, у которого завис блуждающий огонь, расходились волны, как во время шторма. В море, которое было только в ее воображении. В воображении ли?

Все успокоилось так же резко, как началось. Но на третьем этаже зажегся новый огонек.

И Аврора рванула, не задумываясь. Она чудом не угодила под очередные колеса, перевела дух только у железной двери подъезда. Набрала первый пришедший в голову номер на домофоне.

– Да? – сразу же поднял трубку скрипучий голос.

– Почта, – выпалила она.

– Ломятся всякие... – заворчали на том конце, но дверь запищала и открылась. Везение?

Аврора не вбежала, буквально взлетела на третий этаж. Она не задумывалась о том, что раз огонь уже загорелся – душа потеряна. Она не думала, что это могло быть обычное убийство. Она вообще не сомневалась, но действовала на инстинктах.

Нужная дверь оказалась деревянной. Конечно, она не

смогла бы выбить ее... Но все же толкнула – и та отворилась.

Любое сомнение, что в происходящем замешана магия, пропало в тот же миг.

Экзорцистка стояла на свежем, влажном насте из мха посреди сосен, подпиравших абсолютно черное небо. Вдали ярким пламенем горел костер – это точно не было похоже на типовую городскую квартиру.

Пешком до костра было не меньше километра, а она чувствовала, что время поджигает. Даже нет, Аврора нутром чувствовала, что беспощадно опаздывает. Поэтому она совершила еще одну ошибку – вместо того чтобы понять, какой силой обладает маг, создавший столь мощную иллюзию, она снова поспешила действовать.

Выудила из кармана Духобор, закрыла глаза и сжала его. В сознании тут же всплыл речитатив, которому ее учила бабушка. Старый заговор на ясный взор. Но в двадцать первом веке все любили действовать невербально, тихо и с понтами, а различного рода заговоры остались в прошлом веке. И Аврора научилась делать все молча.

Спустя десять мучительных секунд в темноте она открыла глаза посреди обычного коридора с пожелтевшими облезлыми обоями. В нос ударил металлический привкус крови, напитавший воздух до такой степени, что становилось тошно даже ей.

Она убрала Духобор в карман и выудила оттуда целую связку амулетов. Часть из них уже давно была разряжена, но

выискивать рабочие не было времени. Поэтому она сжала все, ощущая острые иглы в ладони.

Жар прокатился вверх по руке, зависнув в районе предплечья. Там, где она примотала короткий кинжал. Он тут же прыгнул в левую руку, и вместе с этим Аврора совершила свою последнюю ошибку на сегодня.

Больше никак не подготовившись, ощущая только дикую, почти безысходную спешку, она шагнула внутрь квартиры. Пересекла коридор, свернула влево и толкнула огромные двойные двери в гостиную.

К запаху крови прибавился привкус чадающих повсюду свечей. Весь пол был изрисован мелом, но символы было не разобрать под толстым слоем натекшей крови. В центре огромного круга лежало распятое голое тело. Кажется, когда-то это был мужчина...

Вены и сухожилия на руках и ногах перерезаны, под ними лужи бордово-красной крови были особенно обширны, часть уже успела высохнуть – кровь текла явно не один час. Живот несчастного был тоже вспорот, и бледно-красная тонкая кишка была выцарапана наружу и разложена по кругу причудливыми завихрениями, повторяющими меловые символы на полу.

Аврора с кристальной ясностью поняла, что опоздала. И что она зря ворвалась в это помещение одна. И что день не заладился с самого утра.

Над этой безобразной картиной стояла черноволосая жен-

щина с открытой книгой. Страницы трепетали на невидимом ветру и обращались в пепел без пламени прямо на глазах. Лицо было перемазано копотью и кровью так сильно, что черт уже не разобрать. Да это и не было важным, вряд ли Аврора смогла бы запомнить свои последние секунды.

Женщина подняла на нее горящие глаза, в которых на долю мгновения скользнуло удивление. А потом она вытянула руку и ударила.

Аврора отлетела к стене и так сильно ушиблась, что из легких выбило весь воздух. Вздохнуть снова не получилось.

Но рефлексы сработали верно, и последние силы она направила не на попытку набрать воздуха, а на бросок кинжала.

Короткого клинка, передававшегося в ее семье не одно поколение. И спасшего не одну жизнь. Клинка, напитанного ее силой, ее амулетами и тающими энергиями убитой ею нечисти.

Лезвие прошило расстояние между ней и ведьмой, будто оно было плотным и маслянистым. И воткнулось в живот противницы.

Та взглянула на древнее оружие как на досадную неприятность и одним движением руки, не касаясь рукояти, выдернула и откинула в сторону.

Ведьма напилась чужой смертью достаточно, чтобы подобное обращение с собственным телом уже не причиняло ей вреда. И ни единой капли ее крови не упало вниз.

Ее лицо исказила гримаса ярости, но глаза растянулись в улыбке. Ведь новая жертва пришла сама.

Книга полностью истлела в руках, по комнате смерчем закружился пепел. Его частички забили глаза и ноздри Авроры, и новый удар она лишь ощутила, но уже не увидела.

Ребра противно хрустнули, и от боли выступили слезы.

Последнее, что она смогла разглядеть, перед тем как сознание окончательно покинуло ее, – серую тень, промелькнувшую со стороны коридора и заполнившую все пространство перед ней.

Лучше бы у нее отнялись ноги после чая Степана.

Глава 8. Девятка Мечей. Кира

Убить человека... Сама мысль об этом жгла сознание раскаленной кочергой. Видит Вселенная, Кира была готова пойти до конца, отдать все, что она имеет! Но проклятый дьявол всего одним предложением доказал ей, как она не права. Что есть границы, которые она не сможет переступить никогда. Или сможет?

IX

Кто ей роднее и дороже – единственный близкий человек на свете или прохожий, имя которого она даже никогда не узнает?

Если бы разговор был в теории, Кира бы выбрала не задумываясь. Пусть это решение было малодушным и отнюдь не таким благородным, как самопожертвование, на которое она уже настроилась. Но каждый на ее месте выбрал бы свою семью, а не чужую. Со всеми рассуждениями о добре и стремлении к свету – мы выберем себя.

В теории.

На практике все иначе. Когда тебе нужно не просто взять, а собственными руками забрать чужую жизнь...

Кире становилось до паники страшно от того, что ко всем прочим мыслям добавлялась одна – в каком случае она будет «правой». В каком случае сможет сказать – «я шла до конца, сделала все, что могла, и мой выбор верный, а действия правильные». Есть ли в этой задаче этот правильный ответ?

Она сокрушалась от самого факта, что вместо действий, вместо решения – искала ответы на незначительные вопросы. Будто пытаясь защитить свою совесть, а не семью.

Нет, Кира в целом паниковала. Она не страдала и не действовала, она сидела и боялась. Потом сходила в ближайший круглосуточный магазин и взяла самого дешевого вина.

Потом снова боялась. Пила в темноте в одиночестве на кухне. Смотрела на трясущиеся руки и отказывалась при-

знавать, что уже сделала свой выбор. Она обычный человек, мелкий и до одури себе противный. Но она не убийца.

С другой стороны, разве она не станет убийцей собственной бабушки, если не пойдет на все, чтобы ее спасти.

Она малодушная трусиха.

Когда на улице забрезжил рассвет, она снова набрала номер. Дешевое вино сделало свое дело, язык не слушался, мысли предательски путались. С первых же гудков слезы градом покатились по лицу. Кира даже не знала, что именно она хочет сказать. Получить, требовать.

Первые лучи солнца подсветили безобразные красные пятна на столе.

– Все страдают, и ты страдай. Жизнь – не сахар, Бэмби.

И гробовая тишина оборвавшегося разговора огрела ее по голове.

Кира уснула, сложив руки на столе.

На следующий день случилось то, чего она панически боялась последние полгода. Боялась, и не смогла предотвратить.

Посторонние люди покинули квартиру только к вечеру. Весь день она что-то говорила, кому-то отвечала и что-то делала. Она не плакала и не чувствовала, и, кажется, вообще не запомнила этот день, и следующий тоже.

И только к вечеру второго дня, когда она осталась совершенно одна в пустой квартире, Кира проснулась. И пустота этой квартиры, места, где она выросла, единственного места, где раньше она никогда не была одна, отозвалась внутри ди-

кой, звериной болью.

Она встала с кухни, где просидела последние несколько часов, прошла по коридору, держась за стену, и в районе прихожей опустилась на пол. В тот угол почти не доходил оранжевый свет фонаря с улицы... Будто темнота могла спрятать ее боль.

Но темнота не могла. Кира сжалась на полу и тихо застонала. В этой квартире ей некого стыдиться, и ее больше никто не услышит. В квартире, все еще наполненной десятками мелочей, которые резали сердце получше ножа, – ровные ряды бабушкиных склянок с травами на кухне, пушистые бежевые пледики на стульях, которые она вышивала, картины с лесом и горами, которыми увешивала стены, пуховые свитера, в которые куталась с начала болезни... И огромная библиотека, занимавшая добрую половину бабушкиной комнаты, – книги, которые она скупала для Кире. Книги, которые большую часть жизни заменяли Кире друзей, подарившие столько чудесных воспоминаний, сколько не могла предоставить реальная жизнь, – они все напоминали бабушку. Они навсегда были омрачены тенью ее смерти.

Силы покинули окончательно, и подняться она уже не могла. Как не могла закрыть глаза или поползти до кровати. Лишь тонкий, еле слышный стон вырывался из горла потоком, не знающим начала и конца. Кира с трудом могла узнать собственный голос.

Кира хотела забыть, как ее зовут. Эту квартиру, эту жизнь

и эту боль. И она отчаянно жалела, что слишком малодушна и не может помочь себе единственным действенным способом – закончить наконец-то эту бесполезную жизнь, которая не принесла ей ничего хорошего. Она не смогла поднять руку на незнакомого человека и тем более не сможет убить себя. Страх пересиливал боль.

Когда горло перестало источать эти звуки, Кира заплакала. Впервые за два дня из глаз потекли соленые слезы, но и они не давали даже временного облегчения. Боль пульсировала внутри, круша, превращая в месиво все ее внутренности, разрушая сознание, но по неведомой дикости – оставляя тело живым.

Сколько часов она здесь одна? Как давно она легла на холодный линолеум коридора? Почему чувства не могут умереть сами, оставив за собой выжженную пустыню мертвой телесной оболочки?

На секунду затишья Кира вынырнула в реальный мир за глотком воздуха. И поняла, что, если не заговорит сейчас – может не заговорить уже никогда.

Но ей было некому позвонить. Не осталось ни единого человека, который мог бы выслушать, приехать, помочь... Да, впрочем, был ли такой человек когда-нибудь? Теперь она в этом сомневалась.

Хотя есть человек, которому она может высказать сама. Дрожащие руки набрали номер.

– Слушаю. – Голос на том конце был все так же холоден

и отрешен. Для него ничего не поменялось. Он не знал, что для Киры умер весь мир. И ему было наплевать. Сволочь.

– Чтоб ты сдох!

– И тебе доброй ночи, Бэмби. Опять пьешь?

– Ненавижу тебя! – Кажется, она хотела сказать не это.

Но звук голоса приводил ее в чувства, и они выплескивались наружу, уже ничем не сдерживаемые.

– Это распространенное мнение, – спокойно ответил дилер. – Или ты надумала совершить нашу сделку? Не говори, что опять зря будишь меня в два часа ночи.

– Ненавижу... – совсем тихо прошептала Кира и вдруг снова задохнулась слезами. – Ее больше нет. Она умерла...

– Знаешь, такое бывает с бабулями.

Кира не ждала сочувствия от едва знакомого человека, с которым собиралась заключить сделку. Но дьявол был единственным, чей номер она набрала. А значит, она снова должна идти до конца, хотя бы в этот раз. После его ответа слезы мгновенно пересохли.

– Надеюсь, тебя ненавидят все, – снова вырвались ненужные слова.

– Преимущественно.

– Сколько стоит избавиться от боли? Я не хочу чувствовать.

– Слишком дорого для тебя.

– Я не хочу страдать.

– А я не заключаю сделки с людьми в состоянии аффекта.

Проспись.

На этот раз Кира бросила трубку первой. А что она ждала?!

Ей не везло не только в обычной жизни, но и в... Как это назвать? Когда даже дилер второй раз отказывался забрать ее душу.

Зато нашлись силы подняться. Она оперлась о стену и, подволакивая затекшие ноги, добрела до темной кухни. Села за стол, на котором по-прежнему атели подтеки от вина, и налила себе стакан воды из чайника.

А потом телефон зазвонил сам.

В первую секунду Кира не поверила глазам. Все еще дрожащей рукой потянулась к экрану смартфона, но долго не смахивала вверх зеленую трубку.

– Ты же там не одна? – Голос потеплел на пару градусов, но все еще оставался далеко за отметкой ниже ноля.

– Нет, бухаю в толпе на поминках.

– Врешь.

Кира не ответила. На том конце громко вздохнули.

– Говори адрес.

И она сказала. Просто и без вопросов назвала незнакомцу точные ориентиры вплоть до кода домофона и номера квартиры. Ей было нечего терять.

Завершив звонок, она снова осталась в звенящей пустоте. Желания и сил включить свет не было. Но ведь когда-нибудь они вернутся, эти силы? И хоть малейшее желание жить...

Стыдно признать, но она опять надеялась на сделку. Хваталась за соломинку, подожженную с другой стороны. Искала легкий выход.

Вот только дилер доказал ей однажды, что легких выходов не бывает. Тогда зачем он ехал сейчас? Совсем ненадолго, буквально на долю секунды в ней пробудился здравый смысл, и она испугалась собственных поступков. Неужели она пустит его в свою квартиру? Квартиру, которая только недавно была их...

Слезы вновь застлали глаза, и осторожность исчезла, сменившись новым приступом боли. Кира с трудом усидела на стуле, обхватила голову руками и провалилась в агонию.

Она не знала и не чувствовала, сколько времени прошло до звонка в дверь. По крайней мере, за окном все еще было темно.

В первое мгновение она даже не поняла, кто звонит. И лишь вспомнив, очнулась. Поняла, что все реально, а там, за дверью стоит ее ночной знакомый, дилер, торгующий чужими жизнями. Как она могла сказать свой адрес?!

Кира подскочила со стула, громко уронив его на пол, и замерла.

Может, сделать вид, что это не ее квартира?

Ведь не обязательно открывать дверь.

Это все было ошибкой.

Дребезжащий звонок разнесся по пустой квартире. С той стороны будто почувствовали ее намерения, потому что звон

не смолкал целую минуту. Кира замерла не дыша.

А потом зазвонил проклятый телефон. На звонке стояли первые ноты «Numb» «Линкин Парка», и в такой тишине звук точно дошел до подъезда. Черт.

Телефон тут же смолк, зато квартиру огласила новая трель. На этот раз короткая, Кире даже показалось, что в ней был упрек. Бред какой-то.

Но не открывать дальше было бы уже странно. Все еще не включая свет, она дошла до двери в прихожей, с трудом пересилила последние сомнения и провернула старый замок дважды. Выдохнула и толкнула дверь.

В тусклом подъездном свете на фоне бело-зеленых типовых стен дьявол смотрелся странно. На нем был черный пиджак какого-то бренда, такая же рубашка без единой складки и пылинки, небрежно сидящие, но явно не дешевые джинсы – одежда так звонко кричала лейблами, что на ее цену можно было отремонтировать весь подъезд.

Кира произвольно глубже укуталась в серую бабушкину шаль, которую прижимала как родную уже второй день. Будто старая шаль могла ее спасти от этих ярких голубых глаз напротив.

– Страдаешь? – вместо приветствия сказал он, но в тоне не было усмешки. Кира не ответила, замерев на пороге. – Позволишь пройти? Ненавижу стоять на пороге.

И, не дождавшись ее ответа, он протиснулся внутрь. Похожaysки зажег свет, огляделся и безошибочно нашел кухню.

Кира почему-то вспомнила винные разводы, которые так и не протерла.

Дилер поставил на стол пакет и оглянулся.

– Так и будешь там стоять?

– А что ты делаешь? – огрызнулась Кира.

Он фыркнул и достал из пакета бутылку с коричневой жидкостью (неужели виски?).

– Если ты так и останешься там стоять, видимо, буду пить один. Кстати, где бокалы?

Бокалы... Бокалы на ее кухне! Кира нервно усмехнулась. Бокалы там найти сложнее, чем дилера.

И все же прошла на кухню, достала с сушки у раковины чашку и поставила перед гостем. Он молча оценил этот жест задранной бровью и, не дождавшись ответа, поставил рядом вторую чашку.

Придирчиво оглядел стул, стряхнул с него невидимые крошки, сел и открыл бутылку.

Кира, хмурясь, смотрела на происходящее, но никак не мешала гостю. Внутри она вся сжалась в карманную сингулярность, и эмоции спрятались – в крохотном клочке, которым стало ее сознание перед взрывом, им не хватило места.

Тем временем дилер наполнил обе чашки на треть и одну подвинул в ее сторону.

– Пей, ты выглядишь, будто ревела два дня.

– Неправда, – почему-то возразила Кира. Перевела взгляд на «бокал».

– Хорошо, два дня с короткими передышками. – Дилер не стал спорить и поднял свой «бокал» первым.

Неожиданно для самой себя она схватила кружку и залпом осушила. И тут же осознала, почему виски звали «огненной водой» – жидкость неприятно прошла по языку, обожгла болью горло, тут же подкатил рвотный спазм. Кира закашлялась, знакомство с напитком прошло не очень.

Она рванула к крану, дернула его и налила прямо в ту же кружку. И лишь к концу второй смогла отдышаться. Дилер никак не реагировал и наблюдал за ней с абсолютно каменным лицом – свою порцию он выпил.

– И зачем люди пьют такую гадость? – выдохнула она.

– А вот ради этого, – он кивнул куда-то в район груди, где все еще жгло. Но жег огонь напитка, а не боль, которая затаилась, ушла на дно.

Кира подвинула свою кружку к нему, и дилер усмехнулся, но налил.

– Ты подожди налегать, это еще не все спецэффекты чудесного напитка.

– Ты опять откажешь мне в сделке, да?

– Я не отказал тебе в первый раз.

Кира забрала кружку, тяжело втянула воздух, заглянула внутрь. Коричневая жидкость под таким углом была похожа на чай. Можно было представить... Она зажмурилась и снова глотнула.

Ожидаемый мерзкий эффект на второй раз был еще ху-

же. Она с огромным трудом удержалась на месте, отменив свидание с белым другом. Отчаянно зажмурилась, представляя, как глупо смотрится со стороны, и перетерпела. Открыла глаза, только когда теплое послевкусие стерло все следы первых впечатлений и мягко зашумело в голове.

Дилер так и сидел напротив, внимательно разглядывая ее. В глазах не было усмешки или иронии. Как не было и интереса или других человеческих эмоций, которых можно ожидать в такой ситуации.

– Если бы я выполнила твое условие – я бы страдала вечно. Я не выполнила – и легче от этого мне не стало. Да, ты не отказал в сделке, ты сделал меня убийцей при любом выборе. – Она помедлила, ожидая хоть какой-то реакции, хоть небольшой перемены в пустоте перед собой. – Приехал ко мне домой... Зачем?

Он слегка наклонил голову, все еще не сводя с нее взгляда. И на долю секунды желтоватый свет люстры отразился в его глазах, будто освещая бездонный колодец. Колодец, корни которого уходили в океан, спокойный океан перед бурей, наполненный миллионом противоречивых эмоций. Скрытых так хорошо, что с поверхности их никогда не разглядеть – только если нырнуть с головой. Это внезапное открытие пугало и завораживало одновременно.

Сколько десятилетий нужно прожить, чтобы скопить подобное?

Сколько десятилетий понадобится, чтобы понять мысли

этого существа, сидящего на ее кухне?

Сколько храбрости понадобится, чтобы не спасовать перед ним, довести хотя бы одну сделку до конца?

– Зачем ты здесь? – повторила Кира.

– Сам не знаю, – выражение его лица ни капли не поменялось – океан не вздрогнул.

– Врешь, – дерзко бросила Кира. Алкоголь начинал действовать, но сейчас ей это нравилось. Острая боль внутри стала тупой, ноющей, но именно она добавляла дров в топку холодной ярости. Расковывала язык.

Она сама налила виски в кружку, на этот раз вдвое больше.

– Вру, – слишком быстро согласился он.

– Так зачем?

– Тебе нужен собеседник, чтобы не пропасть от горя. А мне нужно закрыть старый гештальт.

Новомодное слово «гештальт» плохо сочеталось со старой идеей заключения сделок с дьяволом. На секунду Кире показалось, что все происходящее ей просто снится или она сошла с ума от горя... Как иначе объяснить это странное существо на ее кухне, желающее закрывать какие-то гештальты?!

Она постаралась незаметно ущипнуть себя, но этот жест не ускользнул от внимания дилера. Он даже усмехнулся. Кира зажала в руках кружку с двойной порцией виски, подняла на гостя глаза и резко выдохнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.